

ПОЕЗДКА НА КУБЕНСКОЕ ОЗЕРО.

(Путевые негативы).

Все то же озеро, что и въ года былые,—
Но гдѣ дремучіе, старинные лѣса?
Почили въ Господѣ подвижники святые,
Творившіе въ пустыняхъ чудеса,
Но слава ихъ жива, и чтутся въ мірѣ нынѣ—
Скорбѣвшіе за всѣхъ своей душой въ пустынѣ.
К.

I.

Перемѣна погоды. — Холодное утро. — Пароходъ «Кубина». — Часовня на берегу р. Вологды.—Съ пароходной палубы.

ОГОДА быстро измѣнилась. Еще 22-го мая было тепло, и на старинномъ вологодскомъ бульварѣ дамы гуляли въ однихъ платьяхъ, а мужчины въ легкихъ пиджакахъ. Прошелъ всего день, и вдругъ потянуло холода къ. Пролился крупный дождь и подулъ съверный вѣтеръ. Такая перемѣна погоды не благопріятствовала поездкѣ по озеру, но я рѣшилъ непремѣнно ѻхать въ Каменный монастырь, куда собирался два года подрядъ и какъ-то все не могъ попасть. Если кто знаетъ, когда погода измѣнится къ лучшему, а тутъ дѣла потребуютъ въ Москву, и опять откладывай поездку до будущаго лѣта. Нѣть, если ѻхать—такъ ѻхать во что бы ни стало.

Мяѣ подали въ номеръ самоваръ.

— Разбудите меня завтра въ семь часовъ, — сказалъ я лакею.

— Хотя бы и «погодило»?

— Все равно.

Лакей разбудилъ меня на другой день съ нѣмецкой точностью.

— Какая погода?—спросилъ я.

— Холодновато и похоже, что будетъ дождь.

Я быстро одѣлся, умылся, напился чаю и въ восемь часовъ отправился на пристань. Утро стояло дѣйствительно холодное. Сѣреое небо грозило дождемъ. Въ демисезонномъ пальто и въ плащѣ мнѣ было только въ пору.

— Того и гляди, дождь будетъ, а ты безъ «верхъ» и безъ фартука,—замѣтилъ я извозчику.

— Здѣсь на рѣкѣ, если у кого «верхъ», потому зачѣмъ? Полиція не понуждаетъ. А «фартухъ» у меня есть.

— Гдѣ же?

— А это-то.

Онъ указалъ на свои ноги.

— Да я не про то говорю... Сѣдоку надо закрыться.

— У насъ этого не заведено...

У пристани толпился народъ, слышался крикъ. Это «ломовики» разговаривали на свое мѣсто языкомъ.

Пассажиры сѣѣвались. Рабочій съ парохода взялъ мой чемоданчикъ.

«Кубина» — маленький пароходъ, окрашенный въ свѣтло-серый цвѣтъ. Она — того же типа, что и пароходы, ходившіе прежде по Волжу, но съ большими удобствами: на ней есть рубка для первого класса, помѣщающаяся на носовой части. Рубка — маленькая комната со столомъ посрединѣ. По винтообразной лѣстнице вы спускаетесь изъ рубки въ каюты первого класса. Налѣво — общая мужская, направо — дамская, а прямо съ лѣстницы — отдѣльная, скромѣе похожая на чуланъ, чѣмъ на каюту. Мужское отдѣленіе — самое просторное. Здѣсь два стола и диваны вокругъ стѣнъ. Диваны раздѣлены перегородками, обозначающими число мѣстъ. Каюты низки, и въ нихъ душно.

Я замѣтилъ это рабочему, внесшему мой чемоданъ въ мужское отдѣленіе.

— Въ рубкѣ сидѣть можно,—сказалъ онъ.—Да какъ отчалить — духоты и не будетъ, особенно если оконечко открыть.

Давило на голову. Открыть окно было неудобно: вѣтеръ холодной струей врывался въ узкія отверстія, да и тянуло съ воды пронизывающей сыростью.

— Не великъ пароходъ!

— А больше и нельзя. Спадать вода, и этому ходить трудно,—отвѣтилъ рабочій.

Я поднялся на палубу.

Старикъ-крестьянинъ усердно молился, обратившись лицомъ къ часовнѣй, стоявшей въ нѣсколькихъ шагахъ отъ пристани. Я также благоговѣйно перекрестился, припоминая великаго печальника земли Русской, св. митрополита Филиппа.

Часовня служить памятникомъ далекаго исторического событія—перенесенія въ 1594 году черезъ Вологду въ Соловецкій монастырь мощей угодника, почивавшаго въ Отрочевомъ монастырѣ.

Фрязиново.

На томъ мѣстѣ, гдѣ теперь часовня, были останавливаляемы для народнаго поклоненія мощи святителя, передъ перенесеніемъ ихъ на корабль.

Когда старикъ кончилъ молиться, я подошелъ къ нему. Мне хотѣлось узнать, извѣстно ли ему, по какому поводу построена часовня. Я задалъ вопросъ.

— А что это за часовня, дѣдушка?

— Часовня-то?

Онъ поглядѣлъ на меня слезящимися глазами и произнѣсть:

— А чтобы Богу молиться передъ уплытіемъ... вотъ и часовня для чего.

Онъ не зналъ правды. Это немудрено. Но правды не знаетъ и большинство «просвѣщенныхъ» вологжанъ. Если мужикъ отвѣтилъ вамъ «ни къ чѣму», вы ему извините его «нелюбопытство». Но если «ни къ чѣму» и грамотному горожанину, то дѣло выглядѣть иначе, то уже «rossiйskое нелюбопытство» — некрасиво. Быть можетъ, однако, если бы въ дни, когда церковь чествуетъ память великаго святителя, служились молебны въ часовнѣ, вологжане знали бы, почему она построена.

Видъ рѣки съ парохода очень красивый. Рѣка здѣсь довольно широка. За нашей пристанью и впереди нея — другія пристани. Военный пароходъ «Николай» гораздо больше «Кубины» и выглядѣть наряднѣмъ. Множество барокъ и лодокъ. По обоимъ берегамъ тянутся постройки. На правомъ берегу, у котораго стоитъ «Кубина», среди хорошенькихъ домиковъ выдѣляется темнымъ пятномъ высокое необитаемое зданіе съ выбитыми стеклами. На углу, у Краснаго моста, расположены каменный корпусъ реального училища. На лѣвомъ берегу изъ-за построекъ виднѣется церковь Николая Чудотворца во Владычной, въ видѣ неровной ленты тянется Фрязиновская набережная съ церковью Преображенія въ концѣ.

Развался свистокъ.

— Скорѣе, скорѣе нагружайте! — послышался властный хозяинскій голосъ.

До отхода оставалась всего четверть часа.

II.

Панорама Вологды.— Село Турундаево.— Покойный А. В. Сорокинъ и его члены.— Въ рубкѣ.— Пассажиры.— Въ ожиданіи хорошей воды.

Послѣ третьяго свистка сбросили трапъ, заработала машина, и, незамѣтно отдѣлившись отъ берега, мы поплыли внизъ по р. Вологдѣ. Побѣжало мимо насть назадъ береговая строенія, и постепенно развертывалась картина. На Пречистенской набережной (справа) за первымъ рядомъ построекъ поднялся другой, болѣе лучшій, въ перемежку съ купами зелени, съ храмами,— фонъ сдѣлался красивѣе самой картины. Онъ развертывался все шире и шире... Мы какъ бы обѣжали городъ вокругъ и смотрѣли на него снизу вверхъ; передъ нами быстро мелькали его улицы, смѣнялись площади. Самой красивой частью панорамы надо признать ту, когда вдругъ открывается видъ на Спасскій соборъ со Спасской улицей, окан-

чивающейся у площади громаднымъ лиловатымъ зданіемъ, въ которомъ помѣщается лучшая гостиница «Золотой Якорь» и окружной судъ.

— Какъ чудесно! — вырвалось невольное восклицаніе у какой-то дамы, державшей на рукахъ болонку.

Но краски начали тускнѣть, городъ кончался, промелькнула его панорама, и по берегу потянулся рядъ сѣрыхъ невзрачныхъ домишкъ. Силуэты ихъ долго мелькали передъ глазами, прерываясь громоздкими постройками не то заводовъ, не то амбаровъ. Это скучное однообразіе картины скрасили только двѣ вѣтряныя мельницы на холмѣ. Ихъ воздушная стройка пріятно выдѣлялась среди также-ыхъ приземистыхъ сосѣднихъ зданій.

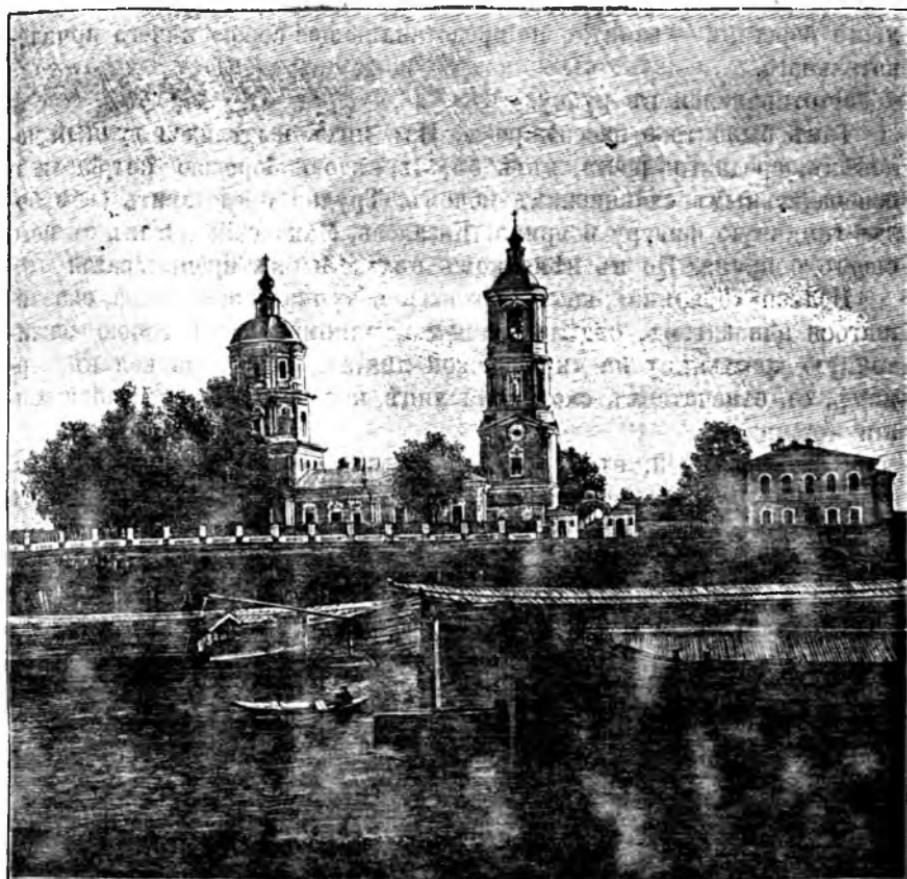
Показалась желѣзнодорожная вѣтка, устроенная специаль но для перевозки хлѣбныхъ грузовъ. На берегу стоять обширный сарай, почти до верху наполненный мѣшками съ мукой. Когда мы проѣзжали, на рельсовомъ пути пыхтѣлъ паровозъ. Но всѣмъ направлѣніямъ копонились люди.

Вѣтка подходитъ къ селу Турундаеву, состоящему изъ ряда сѣрыхъ домиковъ и украшенному красивой церковью. Въ самомъ селѣ обращаетъ на себя вниманіе большой каменный домъ съ роскошнымъ садомъ. Это — бывшее палаццо извѣстнаго комерсанта, Александра Васильевича Сорокина, гремѣвшаго въ Вологдѣ и хорошо извѣстнаго въ промышленномъ мірѣ обѣихъ столицъ. Покойный Сорокинъ — типъ «русскаго американца», какъ выразился (покойный же) вологодскій статистикъ, писатель Ф. А. Арсеньевъ. Сорокинъ всѣмъ состояніемъ былъ обязанъ исключительно себѣ, и не только своимъ выдающимся природнымъ способностямъ, но и своему трудолюбію. Обладая недюжиннымъ умомъ, желѣзной волей, громадной энергией, смѣлый и предпримчивый, онъ сумѣлъ изъ простого бѣднаго крестьянина сдѣлаться купцомъ, добился званія городского головы, смѣнивъ армякъ на вышитый золотомъ мундиръ, и изъ обладателя курной избы превратился во владѣльца роскошнаго палаццо и чуть ли не сотни каменныхъ и деревянныхъ домовъ въ Вологдѣ. Нѣкоторое время это былъ — самый видный человѣкъ въ городѣ. Незадолго до смерти дѣла Сорокина поплатились, но онъ съ мужествомъ перенесъ свое «крушеніе».

Сорокинъ не получилъ никакого образованія, но поражалъ цѣльностью міровоззрѣнія, ясностью взглядовъ, логичностью разсужденій и широкимъ пониманіемъ жизни. Онъ много читалъ и интересовался литературой. Я никогда не забуду одного разговора съ нимъ. Я былъ тогда восемнадцатилѣтнимъ юношемъ. Прочитавъ мой очеркъ въ «Искрѣ» («Роковое слово»), Сорокинъ замѣтилъ:

- Довольно зло, молодой человѣкъ. А вы служить не думаете?
- Нѣтъ.
- Хотите быть писателемъ?

- Хочу.
- Но вѣдь это тоже служба, и болѣе тяжелая... Это — подвигъ. Я бы не могъ быть писателемъ и при таланѣ.
- Отчего?
- Люблю жизнь. Быть подвижникомъ трудно, а иначе и нельзя: честный писатель — подвижникъ,

Турундаево.

Такъ понимать службу писателя въ пору и самому образованному человѣку.

Съ грустью я смотрѣлъ на бывшее палаццо «русскаго американца». Вспомнились мнѣ далекіе годы, юныя мечты... Въ этомъ громадномъ роскошномъ саду я и отдыхалъ не разъ послѣ работы и дѣлился пылкими надеждами и планами съ товарищами. Мы часто изъ города на лодкѣ пріѣзжали въ Турундаево шумной компанией.

Въ настоящее время Сорокинскій палацо принадлежить купцу Пермякову.

За Турундаевымъ берега пошли совершенно ровные, низменные, мѣстами поросшіе лишь кустарникомъ. Иарѣдка встрѣчался чахлый, жалкій лѣсокъ. Вологодскій уѣздъ вообще быстро обезлѣсивается.

«Кубина» шла мѣрно, безъ толчковъ и встрѣчиваній.

Сквозь тучи блеснуло солнышко. Но только блеснуло. Тучи покрыли его. Вѣтеръ крѣпчалъ. Любоваться однообразными унылыми берегами — занятіе, не представляющее собою ничего привлекательного.

Я отправился въ рубку.

Тамъ было трое пассажировъ. Изъ нихъ выдѣлялся тучный человѣкъ, средняго роста, лѣтъ 55, съ сѣдою борою патріарха и основательнымъ славянскимъ носомъ. Трудно представить себѣ болѣе типичную фигуру боярина. Казалось, Маковскій писалъ съ него своего боярина. Но въ нѣмѣдкомъ пиджакѣ онъ проигрывалъ.

Близи «боярина», какъ прозвалъ я тучнаго пассажира, оказалася адвокатомъ, сидѣла женщина, напоминавшая собою зажиточную крестьянку на «купеческой линіи». Она была вся въ черномъ, съ отпечаткомъ скорби на лицѣ, которое все испестрили тонкія морщинки.

Рядомъ съ ней, въ уголку, помѣстилась миловидная девушка, углубившаяся въ чтеніе «Нивы». Девушка курила, не уступая въ этомъ адвокату, который первый заговорилъ со мною.

— Если не ошибаюсь...

Онъ назвалъ мою фамилію.

— Да.

— Помолиться или освѣжиться?

— На Каменный.

— Стоитъ. И пристань устроена, удобно.

— Развѣ теперь пристань? Прежде на лодкахъ приходилось подѣважать.

— Новый игуменъ устроилъ. Онъ хозяинъ и прекрасный человѣкъ.

— Недавно онъ настоятельствуетъ?

— Не особенно давно. Раньше былъ въ Прилуцкомъ монастырѣ. Если бы «поученѣе», могъ бы тамъ быть начальникомъ. Онъ и управлялъ за настоятеля.

— Не важнѣе ли учености жизнь монаха?

— Нуженъ престижъ учености... Архимандритъ тамъ нынѣ. Да и о. Павель могъ бы быть архимандритомъ... Ему прежній архиерей и предлагалъ. «Годы и долгіе годы монастырской жизни — та же наука», — говорилъ онъ. Оно и вѣрно. Но о. Павель скромный, не искатель почестей и уклонился, чтобы не возбудить зависти.

Въ рубку вошелъ молодой красивый еврей, лѣтъ 25, съ иател-

лигентнымъ выражениемъ лица, одѣтый съ престензіей, даже въ бѣломъ галстукѣ и въ сѣромъ фетрѣ.

Молодой человѣкъ поздоровался съ адвокатомъ и спустился въ каюту.

— Кто это? — спросилъ я.

— Сынъ здѣшняго часоваго мастера. Свой хороший часовой магазинъ.

Адвокатъ назвалъ фамилію.

— Нельзя подумать. И какъ хорошо говорить по-русски.

— Онъ много читаетъ, совсѣмъ интеллигентный.

Я убѣдился въ справедливости этихъ словъ, когда молодой евреи поднялся въ рубку, и мы съ нимъ разговорились. Его интересовало все, что могло интересовать образованнаго человѣка. У него недурная библіотека, онъ выписываетъ нѣсколько журналовъ. Онъ любить книгу и не живеть только интересами своего ремесла. Но онъ и не презираетъ ремесла, работаетъ и помогаетъ отцу въ магазинѣ. Торговля не мѣшаетъ ему жить умственной жизнью, а умственные интересы не захлеснули другихъ. Книга не сдѣлала его блоручкой. Это пріятно и можно поставить на видъ русскому человѣку. Я не юдофиль и не космополитъ. Но правда для меня всего дороже. Хорошее вездѣ хорошо. Возьмите нашего рабочаго. Въ будни за работой — онъ чумичка. Въ праздники, въ дни отдыха, онъ надѣнетъ новую рубаху, пиджакъ — и не отмоется, какъ слѣдуетъ, грязи отъ рукъ. А чѣмъ онъ развлекается? «Гуляетъ»! А нѣмецъ? Развѣ онъ такъ живеть? Средства не причемъ. Возьмите достаточнаго торговца, ремесленника-хозяина. Онъ нарядится, на пальцахъ перстень, на золотой цѣпочкѣ — дорогіе часы, а все-таки это — «мужичокъ». Объ умственныхъ запросахъ нечего и говорить. «Помилуйте, когда книжку читать, нешто о такихъ пустякахъ думать время!» И дѣйствительно времени нѣть: въ будни работа, въ праздники «гульяне», т. е. водка и развлечения въ такомъ же трактирномъ духѣ.

— Это правда, — согласился адвокатъ. — Оттого и выходить изъ евреевъ, напримѣръ, столько талантовъ. Вѣдь ихъ у насъ не меньше, но мы ими не дорожимъ, не цѣнимъ. Нѣмецъ или еврей изъ послѣдняго, но дасть сыну или дочери возможность развить талантъ. А мы? мы его загубимъ въ сапожной мастерской или въ лавкѣ. По-нашему все «вздоръ».

Да, я помню грустный фактъ. У русскаго портного сынъ проявилъ любовь къ живописи. Извѣстный художникъ, случайно увидѣвшій рисунки мальчика, долго убѣждалъ отца его, но тотъ остался непреклоненъ и въ рисовальную школу сына не отдалъ. «Пустяки — все, надо своимъ дѣломъ заниматься». Мальчика били за «пачкотню», рвали рисунки и лишили Россію, быть можетъ, недюжиннаго художника, подаривъ ей лишнаго неважнаго портняжку.

Вдругъ раздалась пѣсня.

Какой-то худощавый блондинъ въ рубахѣ на выпускѣ, но *мѣшакѣ*, сидя у борта, затянулъ теноркомъ:

Прощай, батюшка родной,
Не работничекъ я твой—
Я изъ трактира половой...
За работу батька биль,
За гульбу гармонь купилъ.
Ты гармошка—матушка,
Лучше матки, батюшки!

— Вотъ она, русская-то современная пѣсня, куда попала!—~~скажи~~—
ъ адвокатъ.

Я хотѣлъ ему отвѣтить, но вдругъ парень вскинуль кудрями и
ешель на веселую:

Возьму сотню,
Пойду въ Тотьму,
Дружка выкуплю назадъ,
Не кому не указать...
Возьмемъ двѣсти,
Пойдемъ вмѣстѣ,
Мы до Вологды дойдемъ,
Мы нигдѣ не пропадемъ,
Мы читать, писать умѣемъ,
Въ писарышки попадемъ!

- Еще лучше!

Мы вышли изъ рубки и подошли къ парню.

- Гдѣ ты выучилъ эти пѣсни?

- А въ трактирѣ. Я половымъ служу.

- Бдешь домой?

- Домой... Отдохнуть...

- И тамъ будешь эти же пѣсни пѣть?

- Буду... А развѣ худа?

- Старая лучше.

- Старыхъ мы не поемъ... Мы эти все... Онѣ смѣшилъ, да и
~~же~~

- А «Не бѣлы снѣги» знаешь?

- Скушная это... А то вотъ, баринъ, недавно я списалъ пѣсню...
истая!..

- Какая?

- Спѣть?

— Ты такъ скажи... Прочитай.

парень прочелъ:

Вотъ идеть моя возлюбленная,
Топоромъ она разрубленная,
Топорищемъ развороченная,
Во три палочки колоченная!

- Ха, ха, ха!—валился парень...
- И глупая пѣсня!—сказалъ я.—Вѣдь въ ней смысла никакого нѣтъ!
- Э—э! Пѣсня—форсистая!..
- Вотъ она «сивилизациѣ-то»!—произнесъ адвокатъ.—Подарокъ деревни отъ фабрики, трактира...

Все это очень грустно. «Новая пѣсня» уже проникаетъ въ глушь, даже фабрикуется въ глухи.

Мы вернулись въ рубку.

- Давайте пить чай!—предложилъ я.
- Вотъ будеть Сухона... Въ Вологдѣ вода мутна и плоха.
- А Сухона скоро?
- Черезъ четверть часа... Покажется домикъ на берегу, вотъ и Сухона...

Домикъ показался, но, благодаря извилистому теченію Вологды, мы нескоро подошли къ нему, одиноко стоявшему на мысу. Ни сада, ни лѣса вблизи. Здѣсь перевозъ и въ домикѣ живеть содер-жатель перевоза, съ семьею.

III.

По Сухонѣ-Рабангѣ.—Раздѣленіе Сухоны.—Теченіе вспять.—Лодки рыбаковъ и «коряковъ».—Чаепитіе въ каютѣ.—О лѣсныхъ дачахъ, русскихъ помѣщикахъ и вообще русскомъ человѣкѣ.—Какъ русскій человѣкъ понимаетъ свободу.

Нашъ пароходъ повернуль влѣво и вошелъ въ Рабангскую Су-хону. Сухона вытекаетъ изъ юго-восточной оконечности Кубенского озера, въ Вологодскомъ уѣздѣ, въ Святолуцкой волости, и до впаденія рѣки Вологды называется Рабангской Сухоной или просто Рабангой. Далѣе Сухона на протяженіи верстъ 50, до впаденія рѣчки Двиницы, называется Сухоною, и затѣмъ на всѣмъ остальномъ сво-емъ протяженіи до сліянія съ Югомъ носить наименованіе Великой Сухоны. На обыденномъ языкѣ Сухону дѣлять на Рабангскую и Двинскую. Повернуль влѣво, въ Рабангскую Сухону, мы оставили въ правой рукѣ Сухону Двинскую. Еще существуетъ такъ назы-ваемая Окольная Сухона, нѣкогда составлявшая большую излучину рѣки, имѣющую длины около 20 верстъ, а перешеекъ излучины 260 сажень. На этомъ разстояніи въ 1242 году бытъ сдѣланъ, но приказу князя Глѣба Бѣлозерскаго, перекопъ, образующій нынѣ на-стоящее ложе Сухоны. На пароходѣ кто-то увѣрялъ меня, что пе-рекопъ сдѣланъ Петромъ Великимъ. Здѣсь, кстати замѣтить, что многое, сдѣланное другими и въ разное время, приписывается Пе-тру Первому. Мощная личность царя-работника, обращавшаго на

всякую мелочь свое внимание, въ народномъ представлениі заслонила другихъ историческихъ дѣятелей.

Рабангская Сухона значительно шире Вологды (отъ 50 до 60 сажень, тогда какъ Вологда maxимум 45 сажень), и ея теченіе величавѣ. У Сухоны есть еще своя особенность: она не всегда течеть изъ Кубенского озера, а иногда и обратно. Это бываетъ весною, въ продолженіе нѣсколькихъ сутокъ и происходитъ оттого, что рѣки Вологда, Лежа и нѣкоторыя другія, впадающія въ Сухону недалеко отъ ея истока, вскрываются раньше, чѣмъ притоки Кубенского озера, и, поднявшись отъ тающихъ снѣговъ на двѣ-три сажени надъ меженнымъ уровнемъ, подпираютъ теченіе Сухоны, и она «обращается вспять».

— А вотъ и коряки плывутъ,— промолвила пожилая пассажирка.

— Какие коряки? — спросилъ я.

— Мужики съ корой.

Лодки были высоко нагружены корою. Края лодки чуть-чуть не касались воды. Обиліе ивняка даетъ возможность крестьянамъ заработать «копейку». Этотъ промыселъ быль бы очень выгоденъ, если бы не существовало «эксплуатациі» со стороны скунщиковъ, да мужья не пропивали бы денегъ, полученныхыхъ за кору, содранную женами. У бабъ руки болять, съ рукъ кожа послѣзла отъ дранья ивы, а пьянчужка мужъ или отецъ продасть, загуляетъ и проштѣтъ денежки: часть-то уже обязательно, а случается и вѣдь деньги оставить въ кабачкѣ или трактирѣ. Конечно, не все проштѣтъ, но найдутся «добрые люди» и оберутъ пьяного.

Шныряли и рыбачьи лодки.

— Ушицы бы похлебать,—выразилъ желаніе адвокатъ, большой любитель рыбы.

— Можно заказать.

— Кухни на пароходѣ нѣть. Въ буфетѣ — водка, чай, да залежала колбаса и, можетъ быть, вареные яйца, и то не всегда. Если вы купите рыбу — уху сварятъ.

— Гдѣ же взять рыбы?

— Иногда рыбаки предлагаютъ. Однажды мы чудесную ушицу хлебали.

Сегодня рыбы не было, пришлось ограничиться чаемъ и булками. Мы заказали самоваръ, и намъ подали его въ общую каюту.

Мы сѣли за свободный столикъ. Два другіе уже занимали пассажиры, раньше насъ заказавшіе самовары. За столикомъ нальво помѣщалась купеческая компания, къ которой присоединился и часовой мастеръ, а потомъ и женщина «крестьянскаго облика», но «на купеческой линії». Барышня, читавшая «Ниву», сѣла неподалеку отъ насъ, примкнувъ къ нашему самовару.

Среди купцовъ шли разговоры о лѣсныхъ дачахъ. Упомянули

бывшее имѣніе моего дѣда. Это меня заинтересовало. Я спросилъ у одного изъ купцовъ обѣ имѣній.

— Хорошее имѣніе-съ.

— Кто купилъ его?

— Да теперь ваше.

— Дешево, поди, купили?

— Совсѣмъ за пустяки. Сынъ торопился... Это, стало, валилъ дяденька?

— Да, дядя. Зачѣмъ же онъ продалъ дешево? Въ деньгахъ онъ не нуждался, кажется.

— Не знаемъ-съ... А торопили... Тогда вообще дешево продавали.

— Дали бы и дороже?

— Безпремѣнно. Придержи тогда вашъ дяденька—надбавили бы. Теперь эта дачка лѣсная—капиталецъ хорошенький.

Собесѣдникъ дохлебнулъ чай съ блюдечка и прибавилъ:

— Не сидѣлось какъ-то господамъ на родномъ мѣстѣ... Все вонъ тянуло... Оттого и размотали имѣнья... И выкупныя и дачки... все пропратили. А отъ этого только убытокъ.

— Себѣ же.

— И себѣ и вообще... Деревни запустили... все обрушилось. Роши какія богатыя были, а гдѣ онѣ? Срубили все.

— И вы на срубъ купили?

— Да-съ... Намъ иначе къ чему же? Правду надо сказать,—признался купецъ:—на Руси у насъ это дѣло разорительно ведется... И знаемо, какъ надо бы, а все постарому... потому барышъ бы взяты!

— А лѣсовъ меныше стало.

— Обалѣвается губернія, что и говорить... Да развѣ только здѣсь? На Волгѣ то же самое... Отчего она и мелѣеть-то, матушка.

— Послушайте, но вы могли бы иначе вести дѣло, если сами сознаете...

— Эхъ, сударь! Сознать сознаемъ, да привычка ужъ такая, ну, и жадность заѣла, такъ будемъ говорить прямо. Хочется поскорѣй взять съ барышемъ. А кто, впрочемъ, и держить.

— Купецъ сѣѣль барина,—сказалъ я.

— Не такъ выражаетесь. Не купецъ сѣѣль, а баринъ самъ себя сѣѣлъ...

— Самъ не самъ, а только въ роть лѣзъ и просиль: скушай!—сострилъ адвокатъ.

— А теперь плачутся!

— Локоть и близко, да не укусишь.

Купецъ торжествовалъ и откровенно высказывалъ правду. Ему уже нечего бояться..

— За границей иначе поставлено дѣло,—замѣтилъ кто-то изъ сѣїней компаний.

— Что заграница! Она не указъ,—отвѣтилъ одинъ изъ кузовъ.—Русскій человѣкъ любить свободу.

— Развѣ ея нѣть за границей?—сказалъ я.

— Какая тамъ свобода! Тамъ одно стѣсненіе!—пренебрежительно произнесъ кунецъ.—Былъ мой пріятель въ Финляндіи... Ужъ какая это заграница, и не настоящая, а чухонская, такъ сказать, маргариновая заграница, а ужъ русской воли нѣту! Не смѣй выругаться, а по уху стѣздить и не думай! Въ Москвѣ пріятель мой съ ногъ до головы полового пивомъ облилъ и горчицей лысину вымазалъ—и ничего: двѣ красненькия, и дѣло въ шляпѣ. А тамъ онъ салфеткой смазалъ чухну и чуть въ кутузку не угодилъ. Какая же это воля, къ чорту!

— Да, такой свободы за границей меныше.

— Ужъ что говорить, русскій человѣкъ лучше другихъ!—сказалъ мой собесѣдникъ.

— Чѣмъ?

— Прямой, безъ хитрости.

— Да, но за нимъ смотри и смотри... А то сейчасъ подмѣшаетъ, обѣйтъ... «Заграница» потеряла всякое довѣріе къ русскому человѣку.

— Совершенно вѣрно,—подхватилъ пожилой человѣкъ, сидѣвшій въ углу и до сего времени молча слушавшій разговоры.—Если Русь отчего гибнетъ и погибнетъ, такъ отъ недобросовѣстности... Какое-то повальное надувательство. И что обидно: образованіе не спасаетъ и не улучшаетъ людей...

— Ну, это уже череачуръ,—замѣтила дѣвушка.

— Нѣтъ-съ, сударыня: вглядитесь только въ жизнь. Мнѣ самому больно... Я вѣдь коренной русакъ, а стараюсь покупать у иностранца, заказывать иностранцу... Надежнѣе!..

Раздался свистокъ.

— Никакъ Рабанга?

— Да, это она,—отвѣтилъ мнѣ купецъ, владѣтель имѣнія моего дѣда.

Я допилъ чай и отправился наверхъ. За мной послѣдовали мно-гие изъ пассажировъ.

IV.

Село Рабанга.—Дилижансъ, дѣлающій рейсы до Кадникова.—Изъ бесѣды съ пас-сажиромъ въ казинетовомъ пиджакѣ.—Нареканія на строящуюся дорогу отъ Вологды до Архангельска.—Заводъ Соколова.—Карпово.—Куда идуть деньги рабочихъ.—Деревни на пути.—Лѣсопильный заводъ Бѣллева.—Въ погоню за городомъ.

Мы приближались къ селу. Какъ село—Рабанга невзрачна. Дома сѣрые, однообразнойстройки, по большей части не опущенные тесомъ, не выкрашенныя, безъ балкончиковъ. Вообще въ сельской

стройкѣ мало видно прогресса... Тонъ сѣрый, пейзажъ унылый. Настоящая сѣверная русская деревня. Только обилие зелени да рѣка и придаютъ красоту селу.

Пристани нѣть, мы причалили къ баркѣ.

На берегу стоялъ дилижансъ—линейка ужаснаго вида.

— Это куда?—спросилъ я у пассажира въ казинетовомъ пиджакѣ.

— На Кадниковъ.

— Далеко отсюда?

— Верстъ десять.

— Хорошая дорога?

— Кто какъ привыкъ. Если кто попрочнѣе, ничего-съ... А то бокамъ достанется.

Рабанга на Сухонѣ.

— Отчего поудобнѣе экипажа не заведутъ? Сколько же мѣсть?

— Кажется, восемь.

— А куда же багажъ?

— Особливо много нельзя-съ... Подводу бери... Вы говорите, отчего получше нельзя экипажъ... Оно, извѣстно, можно... Да гдѣ же стойщику обдуматъ это, если и умнѣй которые, а тоже ничего подобнаго въ соображеніе не принимаютъ!

Незнакомецъ выражался витевато.

— Вы это про что?—спросилъ я.

— А хотя бы на счетъ господъ инженеровъ... Дорога до Архангельска проводится... А Кадниковъ и другія жилыя селенія обойдены, въ сторонѣ, значитъ. По безлюднымъ пустынямъ, можно сказать, путь-то идетъ. Это для чего же-съ?

— Почва неудобная!..

— Да тамъ-сь еще хуже... А все-таки по худой-то землѣ и идеть путь... Изволите видѣть: даже Семигородная пустынь обижена... Что вы скажете на это?

Отвѣтить не легко. Нареканій много на дорогу, т.-е. на ея строителей.

— Жаль, что дорога узоколейная,—сказалъ кто-то.

Да, это жаль. Потомъ все равно придется ее мѣнять на широкую, какъ и вологодско-ярославскую. Говорятъ: пока нѣть моста черезъ Волгу — къ чему ширококолейная. Да пора давно и мостъ выстроить. Деньги найти можно. Вѣдь онъ находятся на потребности менѣе важные, даже совсѣмъ призрачны и фантастичны.

— Какое невзрачное село,—замѣтилъ я, помолчавъ.

— Сюро живутъ здѣшие мужички,—отвѣтилъ незнакомецъ...— Далеко отъ столицъ, глупъ. Ну, зато народъ проще, не такой прожженный...

— Бѣдны, должно быть?

— А гдѣ нонѣ богачи? Развѣ что кулаки... Деревня располагается.

— Какъ располагается?

— Да какъ платье по швамъ, такъ и она. Смотрѣть за нею некому.

— Мне кажется, это невѣрно...

— Народу-то, смотрителей то-есть — дѣйствительно немало. Да у семи нянекъ дитя безъ глазу... Особливо если дитя чужое, не свое... Что за корысть!

Я посмотрѣлъ на незнакомца и спросилъ его:

— Вы откуда?

— Дальній... Вотъ и побѣхали,—прибавилъ онъ, указывая на дилижансъ...

Лошади трусили, хотя ямщикъ и настегивалъ ихъ изъ всей силы.

— Гони не кнутомъ, а овсомъ, — промолвилъ незнакомецъ и направился въ третій классъ. На ходу онъ раскланялся съ однѣмъ изъ тѣхъ, съ которыми мы пили чай въ каюте.

— Кто это?—обратился я къ пассажиру.

— Изъ мужиковъ... только теперь къ мѣщанству приписанъ.

— Чѣмъ онъ занимается?

— Да въ конторѣ въ Москвѣ, по части отправки грузовъ... Бѣдетъ къ домамъ, повидать родителевъ.

Мы стали отчаливать. Я не пошелъ въ каюту и остался на палубѣ. Вскорѣ за Рабангой показался заводъ Соколова съ пристанью. Живописное мѣстечко. Заводъ строится для выдѣлки бумаги изъ дерева. Такъ какъ для постройки завода негдѣ достать по близости кирпича, то онъ дѣлается на мѣстѣ. На берегу сложены штабели готоваго кирпича.

Почти сейчасъ же за Соколовскимъ заводомъ—деревня Карпово, лежащая возлѣ желѣзнодорожнаго моста черезъ Сухону.

Началась выгрузка бочекъ. Развѣ, двѣ, три, четыре... восемь...

— Да съ чѣмъ же это? — спросилъ я у старика, стоявшаго на берегу.

— Съ водкой.

— Куда же столько?

— Нешто рабочихъ мало? Желѣзнодорожные, съ Соколовскаго завода опять... Сагиновъ знаетъ, что дѣлаетъ.

— Кто такой Сагиновъ?

— А чья земля... Раньше Понгову принадлежала, а у него Сагиновъ за 5.000 купилъ... Кабакъ, стало, и торговля.

— Значить, что добудутъ рабочіе, все и пропьютъ?

— Ужъ это какъ есть!..

— Скверно.

— Не пей, коли не хочешь... А торговцу что за дѣло... Ему бы барышъ былъ...

«Деревня расползается», — вспомнились мнѣ слова мѣщанина. И никому нѣтъ до нея дѣла. Мужикъ пропиваетъ не только здоровье, но и совѣсть. Кому это больно? Кому дорого «чужое дитя»? Баринъ бѣжитъ изъ деревни, предпочитая землѣ службу, чиновникъ—всегда только чиновникъ. А Колупаевы, не друзья деревни. Это—хищники. Одна надежда на хорошую школу и церковь. И здѣсь большое «но». Хорошо жить на дачѣ, ни о чѣмъ не думая, ни на что не обращая вниманія. А жить въ деревнѣ, вникать въ ея условія, задумываться объ ея судьбѣ—невыносимая мука для того, кто любить родину, у кого въ груди бѣется не индифферентное космополитическое сердце...

Двѣ вѣтряныя мельницы подошли почти къ самому мосту и словно застыли въ удивленіи. Мостъ воздушной стройки и очень красивъ.

— Этотъ и ползветъ?

— Да, если правду только говорять газеты, — отвѣтилъ адвокатъ.

— Ползвъ,— поправилъ стоявшій невдалекѣ купецъ,— а теперь, слышно, укрѣпили...

— Дай Богъ!

— Сильна русская троица: «авось, небось и какъ нибудь!» Её искновѣдуютъ не только мужички, а и всѣ мы...

— Это и плохо!

— На томъ и Русь стоитъ. «Земля на трехъ китахъ»... Если не вся, то Русская земля несомнѣнно на трехъ китахъ: авось, небось и какъ нибудь...

Мы прошли подъ мостомъ. Впереди виднѣлась деревенька Іонца, небольшая, но красивенькая... Мы плыли ровно, не торопясь, оста-

навивались довольно часто. Деревенъки попадались одна за другую. Вотъ Борокъ, Шатровово, Боктюга (въ сторонѣ), Клыжево и дер. Паротино, гдѣ лѣсоильный заводъ Бѣляева. Это—цѣлый городокъ, кипящій жизнью. Заводскія зданія—каменные, громадныя. Кругомъ масса заготовленаго материала. На рѣкѣ тѣснота отъ барокъ и плотовъ.

На берегъ высыпали парни и дѣвки, работающіе въ заводѣ.

— Ишь, сколько ихъ, красавицъ! Покупай на гривну, пару да-дуть!—остриль матросъ.

— Какъ здѣсь рабочая плата?—полюбопытствовалъ я.

— Дешевая... Работы иной нѣту. А дѣвкамъ деньги нужны...

— Почему дѣвкамъ? Ёсть всѣмъ надо.

— Имъ нешто на хлѣбъ? Имъ на наряды... Избаловались нонѣ...

Одѣваются, какъ городскія...

— Иная прочая даже курсеть носить!

— Стегать бы ихъ!—сказалъ старый матросъ сердито.

— За что?

— А не балуйся!.. Въ избѣ-то стеколь нѣту, корова безъ корму, а то и коровы нѣть, а ей подавай наряды...

Вездѣ это горе. Потянулась деревня за городомъ, «да не въ ту сторону», по выражению одного лейкинского героя. Именно «не въ ту».

Когда мы, отчаливъ отъ пристани, завернули за мысъ, адвокатъ сообщилъ мнѣ, что «скоро и шлюзъ».

— Значить и озеро?

— Да, отъ шлюза до озера всего восемь верстъ.

V.

«Знаменитый» шлюзъ. — Святая Лука и Шерра. — Кубенское озеро. — Опасность плаванія по озеру.—Изъ прошлаго.

Мы медленно приближались къ шлюзу. Ворота его уже были распахнуты. Пароходъ вошелъ, и мы очутились въ небольшомъ закрытомъ со всѣхъ сторонъ пространствѣ, облитые лучами показавшагося солнца. Сдѣлалось душно. Мы были словно взяты въ плѣнь этими людьми, стоявшими по сторонамъ шлюза. Пылкая фантазія могла нарисовать что угодно. Глубокая тишина нарушилась только карканьемъ воронъ, гнѣзда которыхъ густо усыпали деревья бульвара по бокамъ шлюза. Сторожъ, имѣвшій видъ угрюмаго тюремщика, «поѣхалъ» на закрывавшихся воротахъ, стоя на придѣланномъ къ нимъ балкончикѣ. Онъ заперъ ворота, перешелъ на балкончикъ вторыхъ воротъ, отперъ ихъ и опять «поѣхалъ». Нашъ пароходъ занялъ почти всю камору.

Открылись ворота, и мы вышли на «вольную воду».

Село Кубенское.

Налѣво отъ насъ виднѣлась на устьѣ Сухоны плотина, преграждающая естественное теченіе рѣки. Шлюзъ, называющійся Знаменитымъ, и плотина устроены въ 1834 году съ цѣлью удержать воду озера на высокомъ горизонтѣ. Между тѣмъ, послѣ такого сооруженія вода въ Сухонѣ и въ озерѣ значительно упала противъ прежняго. Чѣмъ объяснить такое странное явленіе? По словамъ мѣстныхъ жителей, до построенія Знаменитаго шлюза вода уходила изъ озера и, подчираемая водами рѣкъ Вологды и Лежи, разливалась по лугамъ, оставляя на нихъ иль, и потому стекала чистою; теперь же она производить осадки на днѣ озера.

— Вѣрно ли это объясненіе? — спросилъ я у старика, жителя села Устье.

— Оно точно, пожалуй, — отвѣтилъ устьянецъ. — Но главная бѣда отъ безлѣсицы. Когда лѣса-то окружные были въ сохранности, снѣгъ въ нихъ таялъ исподоволь, и бѣжали въ озеро ручьи тихіе да приточки. А теперь и не то. Снѣга таютъ быстро, вода катится въ озеро бурно, отъ береговъ-то отмывается земля и заваливается дно въ озерѣ. Надо бы беречь Божье добро разумно, а мы лѣса дремучіе измотали, вотъ и озеро страдаетъ изъ-за этого.

Шерра — сѣренѣкая деревенька, съ плохими домишками. Ея имя известно, благодаря лѣсопильному заводу, стоящему возлѣ нея. Убогая деревянная часовенка, прилепившаяся къ двумъ домишкамъ, наводитъ на невеселыя думы. Бѣдны ли жители, или «имъ все равно»? Хотя бы заводъ принесъ на помощь. Или и ему все равно, и часовня, построенная еще тогда, когда люди «кое-что помнили», скоро совсѣмъ разрушится? Герценъ, стоя передъ миланскимъ соборомъ и изумляясь тому, что столько денегъ ухлопано на постройку собора, пришелъ къ слѣдующему выводу: люди охотно жертвуютъ на то, что имъ совсѣмъ ненужно. А что нужно? Неужели то, что можетъ удержать деревню отъ «расползанія», — лишнее въ жизни?

За Шеррой идетъ большая коса, далеко вдавшаяся въ воду; это — Святая Лука, на которой стоитъ церковь во имя евангелиста Луки. Около церкви церковный домъ, и больше никакихъ жилыхъ строеній. Храмъ стоитъ одиноко среди зелени. Село того же названія въ сторонѣ. Это мѣстечко Сухоны въ срединѣ жаркаго лѣта такъ пересыхаетъ, что по дну рѣки можно ходить въ тельгѣ съ большими возвозами.

Мы приближаемся къ озеру. Здѣсь Сухона довольно широка, и глазъ не сразу замѣчаетъ, гдѣ граница, отдѣляющая ее отъ озера. Слѣва вдали виднѣется село Кубенское, широко разсѣвшеся и окутанное зеленью. Бѣлѣютъ храмы, вѣнчанные золотыми крестами. Издали живописное село кажется прелестнымъ уголкомъ. Въ моей памяти воскресаютъ далекіе юные годы, когда я гащивалъ въ этихъ мѣстахъ, катался по озеру.

Въ длину озеро 60 верстъ, а въ ширину отъ 5 до 10; оно имѣетъ продолговатое очертаніе и прилегаетъ западнымъ и южнымъ

берегами къ Вологодскому уѣзду, а сѣвернымъ къ Кадниковскому. Озеро окаймлено террасообразною возвышенностью, идущею отъ него на разстояніи 15 верстъ. Пространство между озеромъ и возвышенностью заливается весенней водою и называется на мѣстномъ языкѣ «поймою». Дно озера почти вездѣ песчаное, значительная его часть поросла разными водяными растеніями, осокою, кувшинниками и различными породами потамогентовъ, которые являются пищей и убѣжищемъ рыбному молодежнику.

«Кубенское озеро—не море, а плавать по немъ горе»,—говорять крестьяне. Дѣйствительно, плаваніе по озеру на судахъ сопряжено съ большою опасностью. Много жизней человѣческихъ погребено на днѣ маленькаго бурнаго озера. Плоскіе безлѣсные берега не препятствуютъ разгулу вѣтра, и бури на озерѣ частыя. Судамъ негдѣ укрыться отъ бурь. Дно узкаго фарватера усыпано мелями, встрѣчаются каменные гряды. Не забыть мнѣ гибели рыбаковъ, которыхъ я зналъ лично. Это было много лѣтъ тому назадъ. Пять человѣкъ на маленькомъ баркасѣ отправились на озеро, чтобы свести рыбу перекупщикамъ. Вѣтеръ дулъ попутный, и всѣ надѣялись, что благополучно возвратятся назадъ. Но вдругъ набѣжали тучи, взволнивалось озеро, и во тьмѣ, охватившей окрестность, все сильнѣе и чаще стали раздаваться удары грома: яркая молнія, пронизывая тьму, лишь на мигъ освѣщала клокочущее озеро и черное необъятное небо. Тщетно ждали рыбаки, что скоро утихнетъ: буря продолжалась съ тою же силою. Тяжело нагруженный баркасъ могъ легко потонуть, и было рѣшено пожертвовать для своего спасенія грузомъ. Жертва не принесла пользы. Лодку кидало и захлестывало. Рыбаки держались. Вдругъ что-то треснуло. Баркасъ попалъ на мель. Не прошло и минуты, какъ баркасъ уже лежалъ на боку. Два рыбака упали въ воду. Одинъ успѣлъ спастись, но другой потерялся во тьмѣ, и его унесла волна. Гроза не прекращалась. Дождь усиливался. Рыбаки кое-какъ держались за бортъ и мачту, на которой парусъ уже былъ сорванъ. Валы такъ и хлестали о баркасъ, такъ и набѣгали на него; картина—ужасная. Съ каждой минутой силы измѣняли рыбакамъ. Они съ отчаяніемъ глядѣли во тьму, прислушивались къ реву волнъ. Вдругъ раздался сильный раскатъ грома, рѣзнула молнія, и набѣжалъ валъ. Онъ захлеснулъ баркасъ и снесъ въ воду обезсиленныхъ рыбаковъ. Вѣтеръ заглушилъ крики несчастныхъ. Изъ всѣхъ спасся только одинъ, которому удалось болѣе получаса продержаться на водѣ, ухватившись за обломокъ мачты. Волна выкинула его на берегъ.

Этотъ случай—только одинъ изъ многихъ. Но повторяющіяся несчастія не ослабляютъ отваги въ людяхъ, и прибрежные жители пускаются въ озеро не только на карбасахъ и большихъ лодкахъ, но и на своихъ «лодочонкахъ», въ которыхъ мы съ вами побоимсяѣхать и по рѣкѣ въ вѣтряную погоду.

VI.

Рыболовные промыслы на озерахъ.

Нельзя обойти рыбныхъ промысловъ, которые служать большой доходной статьей для приозерного населенія. Но я коснусь этого кратко, пользуясь, кромѣ своихъ юныхъ воспоминаній, и данными, почерпнутыми мною изъ мѣстныхъ источниковъ, заслуживающихъ полнаго довѣрія.

Озеро очень богато рыбой, благодаря благопріятнымъ условіямъ, къ числу которыхъ относится разнообразный характеръ впадающихъ въ него рѣкъ.

Въ озерѣ водятся: окунь, ершъ, налимъ, сигъ, щука, сорога и— чмъ особенно славится озеро— нельма. Небольшая рыба этой породы, называемая нельмушкой, водится исключительно только въ Кубенскомъ озерѣ и нигдѣ болѣе. Не особенно давно, лѣтъ тридцать всего тому назадъ, стала попадаться стерлядь. По рассказамъ рыбаковъ разводу стерляди въ озерѣ помогъ случай. Однажды везли въ пловучемъ садкѣ въ Петербургъ двинскую стерлядь. Садокъ разбился, и послѣ этого стерлядь появилась въ озерѣ.

Ловъ рыбы производится артелью. Артель избираетъ себѣ хозяина, который распоряжается всѣми дѣлами артели: назначаетъ мѣсто и время лова, продаетъ пойманную рыбу и дѣлить деньги поровну между участниками предпріятія.

Когда озеро, вскрывшись ото льда, разольется по лугамъ и лѣсамъ съверо-восточного берега, и рыба пойдетъ метать икру въ затопленныя мѣста, разставляются верши на расчищенныхъ дорожкахъ въ неводномъ лѣсу. Это—ловля по тропкамъ. Верши ставятся отверстиемъ противъ отверстія, на разстояніи сажень трехъ одна отъ другой, и соединяются сѣтчатою перегородкою, которая дѣлить отверстіе той или другой верши на двѣ равныя половины. Этимъ способомъ ловли, очень дешевымъ, занимаются даже и тѣ, которые въ другое время года не рыбачатъ. Ловятъ рыбу также вересчанками, которая ставится на неглубокихъ мѣстахъ озера. Вересчанки обтыкаются или обкладываются можевельникомъ, для того чтобы скрыть сѣть и въ вѣрномъ предположеніи, что рыба охотно идетъ къ кучамъ вѣтвей; толпясь около верши, она попадаетъ внутрь верши-вересчанки черезъ воронкообразное горло, не выпускающее обратно своей добычи.

Ловятъ еще батальницами и, когда вода спадеть, сѣтями, которыми ловятъ рыбу и въ зимнее время.

Къ Петрову дню (29 іюня) всякий ловъ прекращается, потому что крестьянъ отвлекаютъ отъ озера полевые работы. Съ Ильина дня (20 іюля) начинается ловъ молодого подроста, только что выведен-

наго весною. Въ дѣло идутъ мутники. Такъ какъ озеро мелко, то мутниками ловятъ не только около берега, но и на срединѣ озера. Ловцы отправляются на лодкѣ по двое, выбираютъ удобное мѣсто, бросаютъ якорь, выматываютъ мутника и тянутъ его, какъ неводъ, захватывая за одинъ разъ до пуда и болѣе мелкоты разныхъ породъ. Это страшно вредный способъ ловли, потому что уничтожаетъ массу рыбы, не успѣвшей еще подрости. Прежде ежегодно вылавливалось до миллиона пудовъ мелкой рыбешки. Нынѣ, послѣ запрещенія ловить подроста, его добываютъ уже значительно меньше, потому что дѣло ведется осторожно и не такъ широко, какъ раньше.

— А все-таки ловятъ? — спрашивалъ я.

— Ловятъ.

— Развѣ не понимаютъ вреда?

— Ну, что тамъ еще будетъ, а теперь выгодно... Всякий сего-дняшнимъ днемъ живеть...

Мы не только въ одномъ этомъ случаѣ забываемъ о «завтрашнемъ днѣ».

Во время лова рыбаки живутъ на берегу, въ построенныхъ для этой цѣли избушкахъ. Это — рыбачьи станы. Избушки раскинуты на большое пространство и находятся близко одна къ другой. Въ каждой такой избушкѣ, вдоль всей стѣны, противоположной входу, устроена печь, вѣрнѣе — рядъ печей, раздѣленныхъ между собою перегородками. Въ вышину и ширину печь — около трехъ четвертей аршина, а въ глубину аршина два. Поль печи покать къ устью. Передъ печами — платформа, на которую выгребаются уголья, послѣ того, какъ печи достаточно накаляются. Когда выгребутъ уголья изъ печей — ихъ заметываются, и кладутъ въ нихъ рыбешку, предварительно усыпавъ кирпичный «подъ» пескомъ для того, чтобы рыбешка не пригорѣла. Высохшую рыбешку складываютъ въ мѣшки и продаютъ на вѣсъ подъ именемъ суща. Изъ суща варятъ щи, супъ, его ёдятъ съ квасомъ, жарятъ съ картофелемъ и лукомъ. Щи изъ суща — прекрасные, да и селянка — очень вкусная. Для бѣднаго люда — это незамѣнное кушанье, благодаря своей питательности и относительной дешевизнѣ. Много суща идетъ на монастырскія трапезы и въ плотничьи артели.

Существуетъ еще лучшіе рыбы. Но это уже болѣе спорть, и ему предаются любители. Лучать рыбу, т. е. бьють ее острогой, при поэтической обстановкѣ... Выѣзжаютъ на лодкѣ въ темную ночь, привинтивъ къ носу лодки лучильникъ (желѣзную корзину, наполненную смольемъ), и ёдуть медленно, безъ плеска. Смолье горить, освѣща путь, а острогарь — весь ниманіе — стоитъ и пристально смотритъ въ воду, выжидая момента, чтобы вонзить острогу въ спящую рыбу.

Для истаго рыболова лученіе — настоящій праздникъ.

VII.

Въ озерѣ.—Картинки.—Устье.—Устьянская новелла.—Веселый звонъ.—у монастырской пристани.

«Кубина» медленно подвигалась впередъ, разсѣвая волны озера. Вода скрадываетъ разстояніе, и озеро кажется очень маленькимъ, въ видѣ широкой рѣки, потому что все время видны его берега.

Тихо сдѣлалось на озерѣ. Я стоялъ на палубѣ и любовался картинами. Словно точки, мелькали рыбачьи лодки; монастырскія главы ясно вырывались изъ небомъ. На горизонтѣ впереди вода сливалась съ небомъ. Виднѣвшіеся берега, покрытые зеленью, густо населены. То тамъ, то здѣсь — деревни, села съ церквами. Вотъ—Песочное, расположеннное на холмѣ и видное, какъ на ладони. Ярко блестятъ кресты и главы на церквяхъ. Мирная красота сельского пейзажа чаруетъ взоры и услаждаетъ душу... Чтобы не отравить этихъ минутъ, не надо думать объ оборотной сторонѣ медали, слѣдуетъ забыть о всѣхъ язвахъ сельской жизни, превращающихъ элегію въ драму и мѣшающихъ отдыху современаго человѣка, бѣгущаго изъ города въ родныя вѣси.

— Будете чай пить еще?—крикнулъ мнѣ адвокатъ, проходя въ рубку.

— Нѣть,—отвѣтилъ я и остался на палубѣ.

Мнѣ не хотѣлось отвести глазъ отъ чуднаго ландшафта.

Монастырь какъ бы осѣлъ немнога, но скоро начинаетъ возвышаться все болѣе и болѣе, и наконецъ кажется уже стоящимъ на небѣ. Стараясь объяснить эту иллюзію, я пришелъ къ заключенію, что она получается вслѣдствіе отраженія монастыря въ водѣ. Говорить, что во время ледохода монастырь кажется плывущимъ вмѣстѣ со льдомъ.

На правомъ берегу озера теряется въ зелени монастырь Александра Куштского (на рѣкѣ Куштѣ), находящійся подъ вѣдѣніемъ игумена Спасокаменного монастыря. За нимъ—Лысая гора и большое богатое село Устье, на правомъ берегу рѣки Кубины, входившее въ составъ Заозерскаго княжества. Говорятъ, что еще въ 30—40 годахъ виднѣлись какія-то развалины древнихъ построекъ, гдѣ въ старину жили князья. Не могу сказать, сколько правды въ этихъ словахъ. Устье славится лѣсопильными заводами и издѣліями изъ рога. Это бойкій уголокъ Заозерья. Устьяне еще задолго до 19 февраля 1861 года хотѣли выкупиться, но сдѣлать имъ этого по разнымъ причинамъ не удалось, и они стали вольными, благодаря царю-освободителю.

— Вотъ тамъ и наше Устье родимое,—промолвилъ высокій шатенъ, въ длиннополомъ сюртукѣ и въ характерномъ русскомъ картузѣ.

Вблизи, кроме меня, никого не было, и я отвѣтилъ, обращаясь къ устьянцу.

— Да, славный уголокъ!

— А вы изволили быть?

— Очень давно, еще учась въ гимназіи. Хочу снова завернуть.

— Стоитъ! Сельцо хоть куда... Дома какіе... Въ базарный день если — такъ стойно городу, совсѣмъ даже-съ, какъ въ городѣ...

— Ладно, расхваливай свое Пошехонье! — произнесъ купецъ, недовольный отсутствіемъ за границей «русской свободы».

— Почему Пошехонье? — обратился я съ вопросомъ къ подошедшему къ намъ человѣку «съ широкой натурой».

— Да вы читали о похожденіяхъ пошехонцевъ?

— Такъ что же?

— И устьянецы не умнѣй!

— Что вы: устьянецъ — человѣкъ смысленный, дѣльный.

— Вотъ, вотъ, вѣрно! — поддакнуль радостно пассажиръ въ длиннополомъ сюртукѣ.

— Дѣльный? А знаете, какъ устьянецъ солдата за колдуна принялъ?

— Нѣтъ.

— Ну, такъ вотъ! не выдумка, а истинная правда... всякий знаетъ... Разсказать вамъ?

— Пожалуйста?

— Умора и только... Рубилъ, изволите видѣть, устьянецъ дрова въ лѣсу. Сидитъ на деревѣ, да на самомъ сучкѣ, и ну его подрубать. Идетъ мимо солдатъ, увидѣлъ и говоритъ: вѣдь ты, говорить, упадешь. Вотъ еще что выдумалъ, отчего упаду... не упаду! И рубить себѣ опять. Ну, подрубиль, да вмѣстѣ съ сучкомъ и бухъ на землю. Ишь ты, чортъ, воскликнулъ мужикъ: вѣдь солдатъ-то узналъ, знать, онъ колдунъ. Постой, я его попытаю. Побѣжалъ устьянецъ за солдатомъ, догналъ его. «Служивый, а служивый!» — Что тебѣ? — «Угадай, — сколько у меня коровъ? угадаешь — обѣ твои!» Солдатъ улыбнулся и говоритъ — дѣвъ! Тутъ ужъ умница устьянецъ совсѣмъ изумился. Экій человѣкъ: все знаетъ! Надо отдать. Пошли до дому. «Ну, жена, давай коровъ». — Зачѣмъ? — «Солдату отдай»... Это за что ему? — «Да все знаетъ... уговоръ былъ такой». И рассказалъ женѣ. А та оказалась умнѣй мужа, и давай его ругать. Ха, ха, ха!.. Вотъ они какіе умницы!

— Все это сплетки, выдумки! — сказалъ устьянецъ обиженнымъ тономъ.

— Нѣтъ, не выдумки, а правда!

Уже по возвращеніи изъ монастыря я натолкнулся на очерки Устья, принадлежащіе перу Н. О. Бунакова, и нашелъ въ его этюдѣ нѣсколько устьянскихъ бывальщинъ, въ числѣ которыхъ и варіантъ о солдатѣ-колдунѣ. Эти новеллы, конечно, нисколько не

свидѣтельствуетъ о глупости устяница, а характеризуютъ его, какъ остроумнаго юмориста, осмѣивающаго несообразительность, видящаго идеалъ въ смылености и практичности.

Пароходъ нашъ приближался къ острову. Монастырь опять началъ опускаться въ воду, и затѣмъ вдругъ предсталъ взорамъ во всей своей красѣ. Островокъ такъ малъ, всѣ постройки расположены такъ близко къ водѣ, что онѣ кажутся стоящими на самомъ озерѣ, надъ которымъ островъ возвышается очень немного.

«Кубина» дѣлаетъ поворотъ къ монастырской пристани. Въ этотъ мигъ на монастырской колокольнѣ раздается веселый звонъ, которымъ всегда привѣтствуются прибывающіе богомольцы... Далеко несетъся по водѣ звонъ — веселый, радостный, радостно дѣлается на сердцѣ, и благоговѣйно осѣняешь себя крестнымъ знаменіемъ... А въ памяти возстаютъ разсказы о далекихъ временахъ, когда этотъ островокъ былъ еще единственнымъ маякомъ православія въ краю, окутанномъ туманомъ языческаго лжеученія.

— О Господи!.. Угодничекъ Божій, Іосафъ Преподобный!.. ишепчетъ старуха-богомолка, и глаза ея увлажняются слезами умиленія...

Свистокъ... Звонъ смолкъ. Мы подошли къ пристани.

А. Кругловъ.

(Окончаніе въ сльдующей книжкѣ).

ПОЕЗДКА НА КУБЕНСКОЕ ОЗЕРО¹⁾.

(Путевые негативы).

Все то же озеро, что и въ года бывы,—
Но гдѣ дремучіе, старинные лѣса?
Почили въ Господѣ подвижники святые,
Творившіе въ пустыняхъ чудеса,
Но слава ихъ жива, и чтутся въ мірѣ пынѣ —
Скорбѣвшіе за всѣхъ своей душой въ пустынѣ.
К.

VIII.

Основаніе Спасокаменного монастыря. — Кто жилъ на островѣ до прибытія Бѣлозерскаго князя. — Старцы-проповѣдники евангелія. — Осодоръ первый игуменъ. — Игумены: Діонисій, Евѳимій, Кассіанъ. — Св. Іосафъ спасокаменный чудотворецъ. — Пожары. — Обращеніе Спасокаменного монастыря въ Бѣлавинскую пустынь. — Упраздненіе монастыря. — Переименованіе пустыни и перенесеніе мощей.

СПАСОКАМЕННЫЙ монастырь — древнійшій изъ монастырей Вологодской губерніи²⁾. Онъ основанъ около 1260 года бѣлозерскимъ княземъ, Глѣбомъ Васильковичемъ, родившимся въ 1236 году и получившимъ послѣ мученической смерти отца себѣ удѣль Бѣлозерскій, тогда какъ старшій братъ Борисъ наследовалъ удѣль Ростовскій. «Еще по берегамъ Кубенского озера и его притокамъ шумѣли вѣковые лѣса, когда появились на озерѣ насады бѣлозерскаго князя, плывшаго въ Устюгъ. Поднявшееся бурею княжескую флотилію прибило къ Каменному острову»³⁾. Это случилось 6 августа. Между тѣмъ въ минуты опасности князь далъ обѣтъ:

¹⁾ Окончаніе. См. «Исторический Вѣстникъ», т. LXXIV, стр. 664.

²⁾ Изъ сѣверныхъ монастырей древнѣе Спасокаменного только три: Троицкій Кайсаровъ, въ Вологдѣ, основанный около 1147 года пр. Герасимомъ, Троицкій Гледенскій близъ Устюга, основанный въ 1190 году, и Великоустюжскій Архангельскій, существовавшій уже въ 1216 году.

³⁾ Мерцаловъ, «Монастыри-колонизаторы».

гдѣ и въ какой день пристануть къ берегу, на томъ мѣстѣ соорудить церковь во имя празднуемаго святого въ тотъ день и устроить обитель.

Князь нашелъ островъ уже обитаемымъ. На нѣмъ жили старцы, поставившіе себѣ задачею—обращать въ христіанство язычниковъ корельскаго и чудскаго племенъ, населявшихъ сѣверовосточный берегъ озера. Старцы «не имѣли даже церкви и совершили свои молитвы въ малой и бѣдной часовнѣ, стараясь не обѣ устройствѣ величественнаго храма, а о томъ, чтобы имъ самимъ сдѣлаться живыми одушевленными храмами Св. Духа. Неварачна и мала была ихъ часовня, часто не доставало въ ней и свѣчъ и ладона. Ни завыванія и свистъ бури не возмущали душевнаго спокойствія старцевъ, ни пѣнящіяся волны и страшныя громады льдовъ не охлаждали жара ихъ сердецъ»¹⁾.

Исполняя обѣтъ, князь Глѣбъ воздвигъ деревянную церковь во имя Преображенія Господня, выстроилъ келіи для старцевъ и, снабдивъ впослѣдствіи церковь всѣмъ необходимымъ, поставилъ начальникомъ обители старѣйшаго изъ старцевъ Феодора. Монастырь сталъ именоваться Спасокаменнымъ и началъ процвѣтать, покровительствуемый князьями Бѣлозерскими и другими. Изъ числа настоятелей, слѣдовавшихъ за Феодоромъ, прежде всего выдѣляется Свято-горецъ Діонисій, своей строгой жизни привлекшій въ обитель много братіи. Во время его игуменства въ монастырѣ подвизались два свѣточка сѣвера: Діонисій Глушицкій и Александръ Куштскій. Въ 1418 году, по смерти архіепископа ростовскаго Григорія, на эту каѳедру былъ возведенъ Діонисій Спасокаменскій, который, покинувъ пустынную обитель, поставилъ на мѣсто себя игуменомъ ученика своего Иларіона. При его преемнике Евсеміи монастырь посѣтилъ великій князь Василій Васильевичъ Темный. «Этотъ несчастный князь,—говорить Н. И. Суворовъ²⁾,—въ 1446 году въ-роломно лишенный зрењія Дмитремъ Шемякою, сосланный сперва въ Угличъ, а потомъ въ Вологду, приѣзжалъ отсюда, въ 1447 году, со своей супругою Марию и дѣтьми на богомолье въ Спасокаменный монастырь и принесъ въ даръ обители двѣ иконы: чудотворную Спаса Емануила, доставленную изъ Царьграда дѣду его Дмитрію Донскому, и икону Божіей Матери Одигитрій. Здѣсь онъ получилъ первую радостную вѣсть, что многіе князья и бояре собираются на помочь къ нему, желая восстановить его на великому княженіи. Обрадованный этимъ извѣстіемъ, великій князь просилъ игумена Евсемія помолиться о возвращеніи ему престола. Игуменъ съ братію отвѣчали: «Иди, государь, въ желаемый путь твой на великое княженіе, и Богъ устроить твоє шествіе». Изъ Каменного

¹⁾ Свящ. І. Вѣрюжскій. «Преподобный Іоасафъ Каменскій».

²⁾ Н. И. Суворовъ. «Описаніе Спасокаменного монастыря».

монастыря великий князь отправился въ Тверь и, вскорѣ достигнувъ Москвы, утвердился на престолѣ княжескомъ. Великий князь въ благодарность Богу за полученную имъ въ Спасокаменномъ монастырѣ радостную вѣсть пожаловалъ обители богатое село Покровское. Княгиня Марія приписала ему монастырь св. Николая Чудотворца, а впослѣдствіи еще пожаловала село Воздвиженское съ деревнями и угодьями¹⁾. Каменный островъ имѣлъ намѣреніе посѣтить и Иоаннъ Грозный, еще 15-ти лѣтнимъ юношей объѣзжая Кубенское Заозерье. Пріѣхавъ въ село Устье, царь сказалъ, что плыветъ въ монастырь. Но поднялась ужасная буря. Переїждавъ ее, онъ снова собрался на островокъ,— и снова поднялась буря. Иоаннъ Васильевичъ собирался нѣсколько разъ, и постоянно, какъ только онъ «налаживалъ» поѣздку въ монастырь — поднималась ужасная буря. Грозный уже впослѣдствіи и не пыталсяѣздить на Каменный островъ, а только посыпалъ дары монастырю.

Въ игуменство Кассіана (который ранѣе жилъ въ Кириллобѣзоверскомъ монастырѣ, еще при самомъ преп. Кириллѣ) принялъ монашескій чинъ благовѣрный князь Іосафъ, въ міре — Андрей Дмитріевичъ, сынъ заозерскаго князя Дмитрія Васильевича Меньшого. Князь Андрей остался послѣ смерти отца груднымъ младенцемъ, а матери лишился въ отроческомъ возрастѣ. Юный Андрей и отъ природы всегда кроткій и молчаливый, осиротѣвъ сталъ еще болѣе задумчивъ и сдержанъ. Находя отраду и утѣшеніе только въ чтеніи священныхъ книгъ, онъ удалился общества и чувствовалъ отвращеніе къ мірской жизни. Несмотря на отговоры братьевъ, юноша отправился въ Спасокаменный монастырь, къ славившемуся строгою жизнью игумену Кассіану, и выразилъ желаніе постричься. Кассіанъ не сразу исполнилъ просьбу юноши. Но убѣдившись въ горячемъ желаніи его «служить Богу и ближнему и нести крестъ свой по слѣдамъ Господа», старецъ постригъ князя Андрея, назвавъ его Іосафомъ. Изъ Спасокаменской лѣтописи видно, что князь Андрей постриженъ двѣнадцатилѣтнимъ отрокомъ. Несмотря на столь ранній возрастъ, новый монахъ явился образцомъ для всей братіи. Проведя въ усиленныхъ подвигахъ пять лѣтъ, св. Іосафъ почилъ 10 сентября 1457 года. Его погребли въ деревянной церкви Успенія Пресвятой Богородицы, на правой сторонѣ. Скоро онъ прославился многими чудесами, и мощи его много лѣть были видимы для всѣхъ.

Монастырь нѣсколько разъ подвергался опустошительнымъ пожарамъ. Въ первый пожаръ, въ 1472 году, 3 сентября, выгорѣла вся обитель, пострадали и мощи св. Іосафа. Старецъ Мартиніанъ собралъ останки мощей, вложилъ ихъ въ ковчегъ и поставилъ подъ престолъ, а часть была вадѣлана въ трипѣдный крестъ. Благода-

¹⁾ См. Ист. Росс. іер. IV ч., стр. 335 и слѣд.

ря усердію жителей и князей, монастырь скоро оправился отъ постигшаго его бѣствія, и деревянныя постройки замѣнены каменными. Въ 1650 году, мощи были положены въ гробницу, а на нее возложенъ крестъ съ мощами же.

Черезъ 185 лѣтъ случился второй пожаръ. Въ архивѣ Вологодской консисторіи сохранилось документальное извѣстіе объ этомъ пожарѣ. Оно слѣдующаго содержанія: «Лѣта 7166 (1657) г. декабря въ 23 день били челомъ великому господину преосвященному Маркеллу, архіепископу вологодскому и великопермскому, Всемилостиваго Спаса Каменного монастыря келарь старецъ Феодосей съ братиєю: судьбами божіими и за умноженіе де многихъ грѣховъ монастырь Всемилостиваго Спаса выгорѣлъ и церкви божіи и Божія милосердія образы погорѣли, и церковные помосты обвалились, и своды каменные на тѣхъ церквахъ порушились, и колокола разились, и всякая монастырская службы со всякимъ монастырскимъ строеніемъ безъ остатку згорѣли; а тотъ де Спасской монастырь стоитъ Кубенсково озеро на острову и отъ того де каменного монастыря бревенной лѣсь верстахъ въ сорокахъ и болши и того монастыря построить имъ стало нечѣмъ, что монастырская казна всякая до основанія погорѣла..... И мы, великий господинъ преосвященный Маркелль, ево келаря старца Феодосея зъ братиєю пожаловали велѣли збирать въ домъ Всемилостивому Спасу на церковное и монастырское строеніе на Вологдѣ и въ вологодцкомъ уѣздѣ и въ иныхъ городахъ и уѣздахъ и по ярмангамъ и по торжкамъ вездѣ безпменно».

Черезъ 12 лѣтъ монастырь вновь оправился и пришелъ въ двѣщее состояніе, что видно изъ описи монастыря, сдѣланной по указу святѣшаго синода. Въ монастырѣ были три каменные церкви, и всѣ онѣ отличались полнымъ благоустройствомъ. Внутренность главнаго Спасопреображенского храма отличалась особымъ великолѣпіемъ и необыкновеннымъ множествомъ иконъ. «Предалтарный иконостасъ этого храма пятиярусный, увѣнчанный рѣзными изображеніями херувимовъ и серафимовъ, весь снизу до верху блисталь серебромъ и золотомъ. Въ этомъ иконостасѣ было до ста разной величины иконъ, и почти всѣ онѣ имѣли на себѣ золотые оклады, а на нѣкоторыхъ вѣнцахъ и цаты были украшены цвѣтными камнями и жемчугомъ. Любопытно для нашего времени принадлежностю этого иконостаса были многочисленныя привѣски, или «приклады» къ нѣкоторымъ иконамъ, не только къ мѣстнымъ, но и находившимся въ третьемъ ярусѣ, состоявшіе частію въ серебряныхъ чеканныхъ, а болѣе въ рѣзанныхъ изъ чернаго дерева, изъ черной и бѣлой кости и разноцвѣтнаго камня малыхъ иконахъ, панагіяхъ, крестахъ, складняхъ и гривнахъ». На колокольнѣ было 10 колоколовъ, изъ которыхъ благовѣстный вѣсилъ 107 пудовъ. Между колокольней и ризницей въ каменной палатѣ помѣщались

«часы боевые съ перечасемъ». Ризница отличалась также богатствомъ. Въ «книгохранительной» палатѣ было 364 книги, изъ нихъ 66 печатныя, а прочія письменныя; изъ этихъ 6 на «харатьѣ» (на пергаментѣ). Число братій простиравлось до 93. Въ отчинахъ монастыря считалось: 7 сель, 4 сельца и 98 деревень, а въ нихъ 819 душъ обоего пола. Въ амбарахъ—масса хлѣба, въ конюшняхъ и хлѣвахъ 169 лошадей, 295 головъ крупнаго рогатаго и 316 мелкаго разнаго скота. Въ Вологдѣ монастырю принадлежали два подворья, а въ Тотъмѣ двѣ солянныя варницы. Монастырь пользовался многочисленными льготами, напримѣръ, имѣлъ право безпошлиной покупки разныхъ предметовъ на 200 р., а также право безпошлиного провоза, покупки и продажи 6.000 п. соли, и сверхъ сего ему предоставлялись льготы: «ставиться въ Москвѣ къ отвѣту въ три определенные сроки въ году, не платить пошлины за конское пятно, не давать пошлинь съ принадлежащихъ монастырю въ Вологдѣ амбаровъ, лавокъ и съ посадскими людьми ни во что не тянутъ».

Это было самое цвѣтущее время для Спасокаменного монастыря, который занималъ видное мѣсто въ средѣ монастырей на сѣверѣ. Такъ, въ Уложении Алексія Михайловича въ лѣтицѣ монастырскихъ настоятелей архимандритъ Спасокаменскій поставленъ 30-мъ, выше всѣхъ вологодскихъ настоятелей¹⁾.

Третій пожаръ въ 1774 году былъ самымъ тяжелымъ для монастыря въ томъ отношеніи, что послѣдовало его унраздненіе. Монахи переведены въ Вологду, въ Святодуховъ монастырь, куда перенесены церковная утварь и частицы мощей.

Двадцать шесть лѣтъ древнѣйшая обитель находилась въполномъ запустѣнії. Ее возстановили, по ходатайству дворянства и купечества Вологодского и Кадниковскаго уѣздовъ, при Павлѣ I. Святѣйшій синодъ постановилъ: «Упраздненный Спасокаменный монастырь возстановить переведенiemъ въ него братіи и имущества и причисленiemъ къ нему угодій Заптатной Бѣлавинской Богоявленской пустыни, съ наименованiemъ онаго уже не прежнимъ своимъ именемъ, а Бѣлавинскою Спасопреображенскою пустынею».

Обитель начала устраиваться и подниматься. Провидѣнію было угодно, чтобы она вновь получила свое старое наименованіе, подъ которымъ долгіе годы являлась маякомъ православія въ сѣверномъ Заозерьѣ. Въ 1892 г., по ходатайству настоятеля пустыни и окрестныхъ жителей, святѣйшій синодъ разрѣшилъ перенесеніе мощей св. Іосафа въ обитель, гдѣ онъ провелъ свою иноческую жизнь, и выѣхѣть съ этимъ разрѣшенiemъ монастырю возвращено его первоначальное название. Перенесеніе мощей совершено въ декабрѣ 1892 г. съ

¹⁾ Къ преимуществамъ Спасокаменного монастыря принадлежитъ существование въ немъ архимандритскаго настоятельства (съ половины XVI в.). См. соч. Н. Суворова.

чрезвычайною торжественностью. Жители местностей, чрезъ которых проходила священная процессія, стекались въ великому множествѣ, изъ-за десятковъ верстъ, несмотря на сильный морозъ и снѣжныя метели.

IX.

Значеніе Спасокаменного монастыря въ дѣлѣ колонизаціи сѣверной глухи.—Монастырь, какъ мѣсто заключенія политическихъ ссыльныхъ.—Высокій узникъ.

Спасокаменный монастырь, имѣвши большое религіозное значеніе въ жизни Сѣвера, игралъ и видную роль въ дѣлѣ колонизаціи сѣверной Руси. Онъ являлся, по вѣрному выражению А. Мерцалова, однимъ изъ первыхъ охранительныхъ пунктовъ земледѣлія въ краѣ. Многіе изъ бояръ и именитыхъ людей преимущественно въ Спасокаменномъ монастырѣ стали принимать постриженіе въ монашество и дѣлать земельные вклады на поминъ души. Вклады эти, особенно со стороны князей, были весьма значительны, и замѣчательно, что монастырю жаловались не деревни и села (преимущественно), а «земли» и пустоши, т. е. мѣста не населенные. Изъ грамоты ярославскаго князя Даниила Александровича 1497 года, писанной въ Новгородѣ, видно, что дѣдъ и отецъ его дали въ свое время Спасокаменному монастырю въ прилегающей къ нему мѣстности 58 «земель» и пустошей, но ни одной деревни, ни одного поселка не было дано, потому что князья дорожили сами населенными мѣстами. Перечисливъ земельные вклады отца и дѣда, князь Даниилъ пишетъ отъ себя: «да что есмь—быть велѣль тіуну Захару сажати своихъ крестьянъ на тѣ пустоши, которыхъ въ грамотахъ монастырскихъ не писаны, и Захаръ сажаль на тѣ пустоши: на Дуданской пустоши—посадилъ жилца, на Чирковѣ посадилъ жилца, на Гешковѣ посадилъ жилца, на Галактіоновѣ—посадилъ жилца. И азъ тѣми починки пожаловалъ игумена съ братиєю въ домъ Святому Спасу. (Лѣта 7005, мѣсяца авг. въ 9 день)»¹⁾. То-есть, замѣчаетъ Мерцаловъ, «даря монастырю тѣ земли, на которыхъ только что явились первые поселенцы, князь обращаетъ особое вниманіе монастырского начальства на это обстоятельство и намекаетъ, что онъ тѣ пустоши населялъ собственно для себя, и если уступаетъ ихъ монастырю, то въ видѣ особой милости. Отсюда можно заключить, что въ первые два вѣка своего существованія Спасокаменный монастырь получалъ въ даръ отъ князей, бояръ и именитыхъ людей преимущественно не населенные земли и самъ долженъ быть заботиться о привлечениіи на нихъ поселенцевъ».

¹⁾ Жалованная грамота князя Данилы Александровича Спасокаменному монастырю, на владѣніе данными дѣдомъ и отцемъ его землями и угодьями въ Закубенѣ, въ 1497 году.

Монастырю было удобно заселять свои пустоши, потому что привлекаемые разными льготами поселенцы охотно шли на монастырскую землю. Такимъ образомъ,—говорить Мерцаловъ,—подъ мирнымъ монастырскимъ кровомъ начали въ лѣсной пустынѣ населяться займища и пустоши, появились починки и поселки, возникла, хотя и первобытная, культура земли, а затѣмъ образовались села, деревни и цѣлые вотчины. Заботясь о населеніи пустопорожнихъ земель, монастырь успѣлъ въ сравнительно недолгій періодъ времени образовать на нихъ 80 деревень и большую запашку. При тогданѣй малолюдности, особенно на сѣверѣ, это весьма замѣчательно, тѣмъ болѣе, что въ теченіе періода 1500—1670 г. происходили беспокойства смутного времени, весьма гибельно отразившіяся на земледѣльческомъ населеніи края.

Инокъ Спасокаменного монастыря Діонисій Глушицкій основалъ свой монастырь, въ 30 в. отъ Спасокаменного. Иноки Глушицкаго монастыря основали новыя обители: Лѣптовъ монастырь и Семигородскую пустынѣ. Это было уже продолженіемъ колонизаціи, начатой Спасокаменнымъ монастыремъ. «Ихъ совокупная колонизаціонная дѣятельность имѣла очень важное значеніе для той обширной части Вологодской области, которая извѣстна въ актахъ XIV и XV вѣковъ подъ именемъ Кубенского Заозерья. Чтобы яснѣе представить эту важную сторону дѣятельности монастырей, должно имѣть въ виду, что почти всѣ земельные вклады, полученные ими въ теченіе XIV и XV столѣтій, состояли изъ земель и пустошей чуждыхъ культуры, а въ половинѣ XVII вѣка находились на тѣхъ же монастырскихъ земляхъ 12 селъ, 130 деревень, съ населеніемъ въ 1300 человѣкъ мужскаго пола, и площадь пахатной земли въ 8755 десятинъ». («Вологодская старина», Мерцалова, стр. 112).

Спасокаменный монастырь, какъ и другіе сѣверные монастыри, несъ еще особую службу, такъ сказать, политическую, являясь мѣстомъ заточенія для опальныхъ лицъ, для людей беспокойного протестующаго характера, не мирившихся съ тѣми или другими фактами, съ тѣми или другими реформами въ государственной и церковной жизни. Эту службу Спасокаменный монастырь несъ съ давняго времени; такъ виновникомъ пожара 1774 года былъ «сумасшедшій» узникъ. Въ одно время съ нимъ въ стѣнахъ монастыря томились еще и другіе ссыльные, переведенные послѣ пожара въ Кириллобѣзоверскій монастырь. Конечно, эта «служба» принимала не желательный характеръ, когда не имѣла значенія исправленія, и въ излишествѣ усердія «монахъ» превращался въ жестокаго тюремщика. Конечно, было бы лучше, если бы монастыри болѣе корректно относились къ этой своей службѣ и, принимая для «братскаго исправленія» грѣшника, не обращали своихъ стѣнъ въ темницы для людей невинныхъ, неугодныхъ линъ въ данную минуту сильнымъ и властнымъ сановникамъ и правительству.

Чо для такой борьбы людей всегда мало, и часто подобная борьба не достигла бы цѣли. Можно было бы требовать отъ монастырскихъ властей болѣе гуманного отношенія, но и здѣсь часто центральная власть совершенно подавляла всякое доброе желаніе ино-ка. Это видно прекрасно изъ многихъ примѣровъ. Я остановлюсь на одномъ, на ссылкѣ въ Спасокаменный монастырь вице-президента синода при Екатеринѣ I и Петрѣ II, архіепископа Георгія Дашкова.

Правая рука Меншикова, Георгій Дашковъ сумѣлъ сохранить свой высокій постъ и послѣ паденія временщика, но не сошелся съ синодскимъ сотоварищемъ ѡеофаномъ Прокоповичемъ. При императрицѣ Аннѣ Ioannovnѣ, Прокоповичъ пріобрѣлъ въ правящихъ сферахъ большое вліяніе и сталъ искать случая уничтожить своего противника. Чтобы погубить Георгія Дашкова, знаменитый ораторъ, у которого честолюбіе стояло выше христіанского долга, не задумался погубить и несчастнаго воронежскаго епископа Льва Юрлова. Этотъ не получилъ указа и потому не отслужилъ своевременно молебна о восшествіи на престолъ новой императрицы. Вицегубернаторъ сдѣлалъ доность въ синодъ. При докладѣ этого доноса въ синодѣ присутствовали Георгій Дашковъ, Игнатій Смола, оберъ-прокуроръ Баскаковъ и оберъ-секретарь Тишинъ. Всѣ они, зная злобу вицегубернатора на епископа Льва, рѣшили: «подождать другихъ извѣстій о поступкѣ епископа». О таковомъ рѣшеніи узналъ Прокоповичъ и поднялъ дѣло. Епископъ Левъ былъ лишенъ сана, наказанъ кнутомъ и сосланъ въ одинъ изъ архангельскихъ монастырей. Пострадали всѣ члены синода, но сильнѣе всѣхъ — Георгій, котораго, по лишенію сана, сослали въ Спасокаменный монастырь. «Вологодскимъ епископомъ тогда былъ ученый грекъ Аѳанасій Кондоиди,— разсказываетъ Мерцаловъ, этюдомъ которого я пользуюсь для своей передачи.— По натурѣ онъ былъ человѣкъ добрый и деликатный, зналъ обѣ интригѣ, погубившей Георгія, и не могъ внутренно считать себя солидарнымъ съ его врагами. Это ставило его въ затруднительное положеніе: съ одной стороны синодъ предписывалъ ему самый строгій надзоръ надъ ссыльнымъ, которому запре-щались всячія сношенія съ міромъ, и въ монастырѣ онъ долженъ былъ находиться постоянно подъ стражей; съ другой—преосвященный Аѳанасій не могъ не чувствовать состраданія къ судьбѣ знаменитаго ссыльного, жестоко и безвинно наказанного врагами. Синодъ заподозрѣлъ его въ благоволеніи къ изгнаннику и цѣлымъ рядомъ указовъ напоминалъ о неослабномъ надзорѣ».

Георгій принялъ схиму. Къ нему были приставлены караульные: отставной лейбъ-гвардіи сержантъ съ жившими въ монастырѣ на пропитаніи солдатами. ѡеофанъ, узнавъ о «послабленіяхъ», послалъ синодскаго оберъ-секретаря Дудина, которому официально было дано одно порученіе, а секретно другое. Дудинъ узналъ: 1) что

брать Дацкова, казанский вице-губернаторъ, и сестры присыпали Дацкову съѣстные припасы, что онъ покупалъ свѣжую рыбу; 2) что Дацковъ ходить не въ схимѣ и благословляется. Вслѣдствіе этого донесенія изъ Петербурга былъ присланъ новый караулъ, и наряжено официальное слѣдствіе, открывшее: 1) что Дацковъ свободно гулялъ по монастырю и кельямъ; 2) что вслѣдствіе послабленій имѣлись въ то время къ Дацкову отъ разныхъ персонъ нѣкоторыя присылки съ людьми, которые и были къ нему допускаемы. Выяснено, что къ нему былъ доступъ вообще постороннимъ лицамъ, прѣбжали къ нему купцы и приносили ему гостины. По докладѣ дѣла, въ марта 1733 года изъ кабинета министровъ послѣдовало рѣшеніе: Аѳанасію, епископу вологодскому сдѣлать выговоръ въ присутствіи синода и подтвердить, чтобы онъ впредь «отъ того Гедеона караульныхъ отнюдь никуда не отлучаль и къ оному Гедеону монахамъ и другимъ постороннимъ, также и тому Гедеону къ монахамъ и другимъ ходить запретиль и нигдѣ съ тutoшними монахами и съ другими ни съ кѣмъ до разговоровъ того Гедеона допускать не велѣль».

Епископу Аѳанасію поневолѣ приходилось исполнять обязанности тюремного начальника, чтобы не подвергнуться и самому участіи Дацкова или Льва Юрлова.

Дацковъ прожилъ въ Спасокамennомъ монастырѣ пять лѣтъ, и въ 1735 году переведенъ въ Нерчинскій Успенскій монастырь.

Все это очень характерно не только для оцѣнки нравственной личности Феофана Прокоповича, но и для пониманія того времени, а также и для сужденія о «тяжелой и нежелательной» службѣ сѣверныхъ монастырей.

X.

Гостиница и «образная». — Молебень. — Довѣріе монастыря. — Уходъ «Кубины». — Прогулка по озеру. — Спасательная станція. — Камень въ 500 пудовъ вѣсомъ.

Когда пароходъ причалилъ къ пристани и брошенные канаты были укрѣплены, положили сходни. Пассажиры, толкая другъ друга, спѣшили сойти на берегъ.

Влѣво отъ пристани — церковь и корпусъ келій, вправо — гостиница и спасательная станція.

Мы поднялись по узенькой и довольно крутой деревянной лѣсенкѣ и вошли въ гостинный домъ. Дверь въ большую и свѣтлую комнату была открыта. По одной стѣнѣ въ рядъ стояли иконы, какъ въ часовнѣ, а по другой (задней) — разставлена буковая мебель, — съ диваномъ и большимъ столомъ, покрытымъ скатертью.

— Это часовня? — спросилъ я кого-то.

— Какъ бы... «образная», стало быть.

Явился священникъ (иеромонахъ) съ дьякономъ, отыскающимъ

въ монастырѣ наказаніе, по приговору духовной власти,— и начался молебенъ. Послушникъ принесъ блюдо со свѣчами и поставилъ на столъ. Народъ подходилъ, самъ бралъ свѣчи и клалъ деньги.

— А если положать меньше?— замѣтилъ я потомъ послушнику.

— Стало быть, нѣтъ больше,— отвѣтилъ онъ:— нарочно никто не возьметъ, вѣдь это бы значило красть у святого. Кто же будетъ ставить свѣчу да обманомъ? А если бы и нашелся кто—его грѣхъ.

— Другой ничего не положить, а только возьметъ... Всякіе есть люди.

— Суди его Богъ да Преподобный, если онъ за наше довѣріе обманомъ отплатить.

Молебенъ отслужили быстро. Всѣ эти молебны на пристаняхъ, какъ, напримѣръ, и на Волгѣ, у Толгскаго монастыря, во время остановокъ пароходовъ, служатся необычайно быстро: скороговоркой все читается и поется. Говорятъ, это «по необходимости»; но впечатлѣніе получается нежелательное, ибо всякое «служеніе на почтовыхъ» лишено должнаго благоговѣнія. Впрочемъ, вообще надо сказать, наши послушники по большей части поютъ безъ всякаго чувства, словно отмахиваются уроки. Пѣніе въ женскихъ монастыряхъ въ этомъ отношеніи стойть несравненно выше.

По окончаніи молебна, публика,ѣхавшая въ Устье, возвратилась на пароходъ, а мы всѣ, прибывшіе на островъ, пошли провожать своихъ спутниковъ.

— Досвиданья! Дозавтра! — крикнулъ мнѣ адвокатъ, стоя уже на палубѣ, у борта.

— Счастливаго пути! Не забудьте насъ здѣсь! — отвѣтилъ я шутливо.

— А знаете: вѣдь можетъ случиться, что мы васъ и не возмемъ завтра.

— Это почему?

— Если сильное волненіе поднимется.

— Ну, такъ что же?

— Не подойти... Тогда до пятницы... Да вы не будете въ накладѣ... У отца Павла хорошо, не соскучитесь... Кланяйтесь ему; онъ, вѣрно, уже въ церкви у всенощной.

— Его совсѣмъ нѣтъ дома,— отвѣтилъ какой-то молодой человѣкъ, стоявшій позади меня.

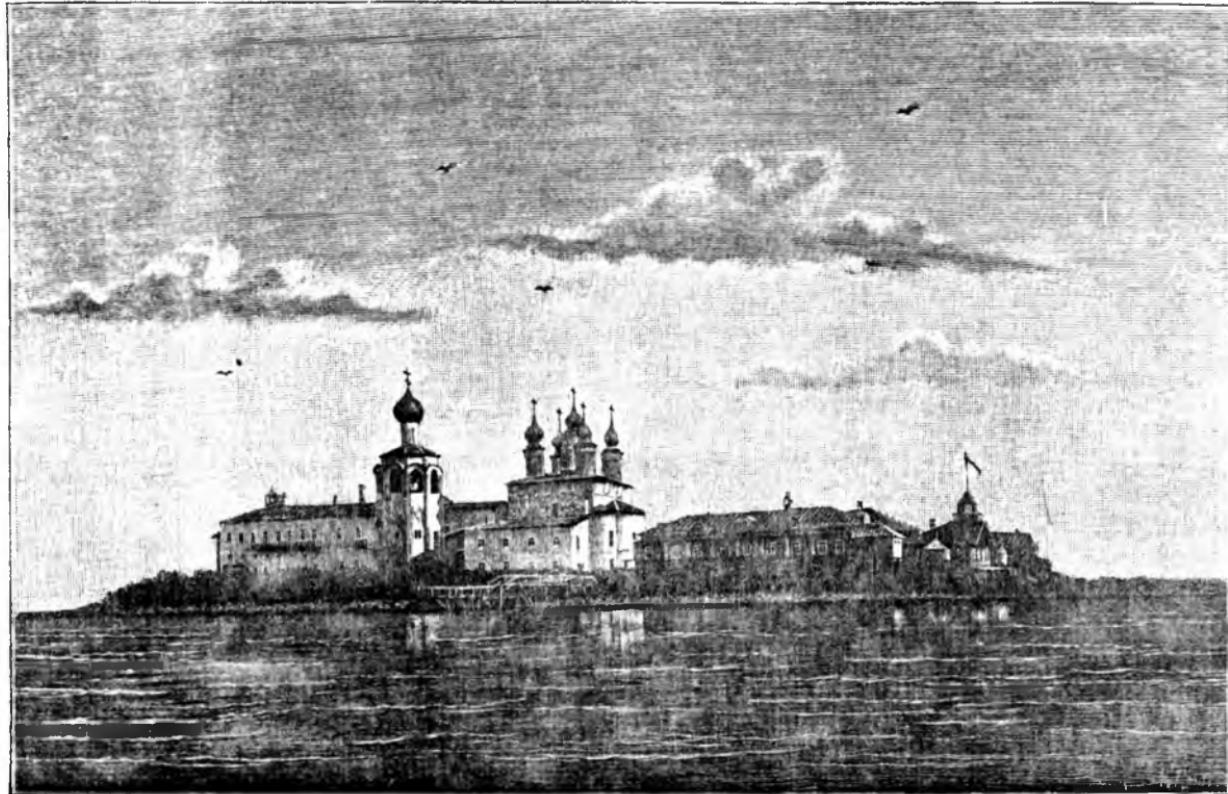
— Какъ нѣтъ?— промолвилъ я, быстро оборачиваясь... А мнѣ его надо видѣть!

— Онъ, говорятъ, скоро вернется... Ждутъ съ часа на часъ...

— Гдѣ же онъ?

— Да побѣхалъ на лодкѣ, въ Кунинскій монастырь... Думали, что къ службѣ вернется... но запоздалъ...

Раздался свистокъ. Сходни убрали. Заработала машина, завертѣлись колеса, поднимая водянную пѣну, и пароходъ сталъ отчаливать.

Общий видъ Спасокаменного монастыря.

Мы обмѣнялись еще разъ поклонами съ отъѣзжающими. На Волгѣ священникъ осѣняетъ отходящій пароходъ крестомъ. Это производить умилительное впечатлѣніе и дѣйствуетъ на сердце. Очень жаль, что этого напутствія не дѣлается на Каменномъ островѣ.

— А вы къ отцу Павлу? — обратился ко мнѣ молодой человѣкъ, сообщившій о томъ, что настоятеля нѣтъ дома.

— Не собственно къ нему, но хочу повидать и его. Да и неудобно, осматривая обитель, не зайти къ ея настоятелю. А вы его хороните знаете?

— Да. Я работалъ здѣсь.

— Что же именно?

— Я иконописецъ. У меня мастерская въ Вологдѣ.

Онъ называлъ свою фамилію. По фамиліи я зналъ уже молодого человѣка, какъ добросовѣстного исполнителя заказовъ.

— Пройдемтесь по острову, — предложилъ я.

— Хорошо-съ... Да онъ такъ малъ, что обойти его въ нѣсколько минутъ можно. Шестьдесятъ въ длину и тридцать сажень въ ширину. Въ окружности сажень 200.

— Какого онъ происхожденія?

— Несомнѣнно, наноснаго. Онъ состоить изъ отдѣльныхъ камней разной величины. Ничѣмъ не связанные камни оползаютъ и подмываются водой.

— Значитъ, онъ будетъ все уменьшаться?

— И уменьшается... Нужно бы позаботиться на этотъ счетъ..

— Что же сдѣлать?

— Да во время обмелѣнія связать камень съ камнемъ желѣзными скрѣпами, съ основанія до верха, а потомъ все залить цементомъ...

— Гдѣ же здѣсь скотъ? Я не вижу что-то.

— Да здѣсь лѣтомъ не держать ни лошадей, ни коровъ. Молоко привозятъ въ лодкахъ изъ-за восьми верстъ.

— Откуда же?

— Изъ Куштского монастыря. Здѣсь нѣтъ пастбища.

Построекъ на островѣ немного. Храмы зимній и лѣтній, игуменскій корпусъ вмѣстѣ съ братскими кельями — одно зданіе. Затѣмъ: новая каменная гостиница, двухъэтажный деревянный домикъ, въ которомъ прежде останавливались богомольцы, а теперь живутъ рабочіе, и спасательная станція. Изъ хозяйственныхъ построекъ — сарай, хлѣбъ и конюшня — всѣ деревянныя, изъ горбылей¹⁾.

— Постоянная починка, замѣтилъ иконописецъ.

¹⁾ Въ настоящее время дѣлается пристройка къ братскимъ кельямъ; пристройка — деревянная. Она заслонена отъ берега каменнымъ фасадомъ старыхъ келій, и я не замѣтилъ сразу.

Храмъ и настоятельскій корпусъ въ Спасокаменному монастырѣ.

— Отчего?

— Льдомъ весною спираеть ихъ съ мѣста зачастую, а то и разрушаетъ совсѣмъ. Пойдемте, я покажу вамъ камень. Онъ вѣсить 500 пудовъ, и его водой нанесло на крышу келій во время ледохода.

За салями, вблизи храма, врыть въ землю громадный камень, на поверхности которого написано, что онъ былъ нанесенъ льдомъ въ 1836 году на крышу братскаго корпуса.

— Напоромъ льда вытѣснило изъ воды?.. Значить вода поднимается высоко?

— До самыхъ оконъ зачастую... Бывали случаи, и окна всѣ перебьютъ льдины... А въ томъ году особенное было наводненіе... Комнаты въ ледникѣ обратились... такъ набило льду черезъ окна.

Спасательная станція на самомъ мысу. На ней живетъ караульный матросъ-инокъ. Станція работаетъ исправно. Въ это лѣто она также сдѣлала доброе дѣло. Американскій (квадратный желѣзный съ воздушными ящиками) плотъ измѣрялъ глубину озера, попалъ въ бурю на камень и затонулъ въ 5-ти верстахъ отъ монастыря. Трое матросовъ около пяти часовъ стояли у мачты на рубкѣ въ водѣ выше пояса. Несчастныхъ увидѣли со спасательной станціи и послали имъ лодку. Большую борьбу съ волнами вынесли спасающіе, но достигли цѣли, сняли погибшихъ съ плота. Двое изъ нихъ лишились чувствъ, а третій потерялъ способность говорить. Иноки-матросы сняли съ несчастныхъ мокре платье и уже въ сухой одеждѣ доставили ихъ въ обитель. Всѣ трое оправились, благодаря заботливому уходу братіи. Плотъ пришлось поднимать воротами.

Мы подошли къ самому краю острова. Съ него прекрасный видъ на берега озера, усыпанные многочисленными селеніями, между которыми блѣдѣютъ каменные церкви, виднѣется монастырь.

Зазвонили на монастырской колокольнѣ.

— Пора и въ храмъ зайти,— сказалъ иконописецъ... Пожалуй, это къ евангелію!

Мы отправились ко всенощной.

Служба происходила въ лѣтнемъ храмѣ, въ который ведетъ пологая, широкая лѣстница.

XI.

За всенощной въ холодной церкви. — Чтеніе и пѣніе. — Въ новой гостинице.— Приглашеніе къ настоятелю.— О. Павель и его покой.— Разговоры за чаемъ.— Братскій корпусъ и московскіе иноки въ Спасокаменномъ монастырѣ.— Каменный островъ прежде.— Банный островъ.— Приписанные монастыри.— Составъ монастыря и ого материальнаго положеніе.

Церковь-небольшая, похожая на обыкновенную сельскую церковь, но чистенькая, свѣтлая и производить пріятное впечатлѣніе.

Я подошелъ къ свѣчному ящику, за которымъ стоять благообразный сѣдой монахъ, уже сгорбленный, съ доброй улыбкой, очень вѣжливый въ обращеніи.

— Вамъ свѣчечекъ угодно?

— Да, пожалуйста.

Онъ подалъ свѣчи. Я попросилъ его поставить. Онъ низко поклонился, промолвилъ: «хорошо-сь», и медленной поступью направился къ иконостасу.

Скоро началось чтеніе евангелія, которое и вынесли на средину для прикладыванія богомольцамъ. Въ числѣ другихъ подошли и мы.

Іеромонахъ—маленькаго роста, съ походкой человѣка, у которого болятъ ноги. Типъ обыкновеннаго іеромонаха или сельскаго «шопа», безъ тѣхъ «пріемовъ», которыми щеголяютъ иные городскіе и особенно столичные священники. Но потому, какъ онъ молился, видно было, что все дѣлалось отъ сердечнаго усердія.

Пѣніе партесное и недурное; очень хороши диктанты, только онъ перекрикивалъ — дурная привычка многихъ пѣвчихъ, лишенныхъ опыта и понимающаго дѣло руководителя. Лѣвый клиросъ слабъ, а чтеніе старика, сбившаго совсѣмъ языкъ, было крайне не-пріятно. У дьякона голосъ зычный, но произношеніе неясное, чѣмъ отличается большинство дьяконовъ, ошибочно думающихъ, что важенъ не смыслъ эктеній, не слова, а только умѣніе произносить ихъ громко, «гудисто», по выраженію богомолки. Они гудятъ, нерѣдко натуживаются, и отъ этого еще менѣе понятно то, что они говорять. Къ сожалѣнію, на этотъ недостатокъ у насъ мало обращается вниманія даже въ соборахъ, где контроль архіерея всегда на лицо. Неprіятно дѣлаетъ и то, что діаконъ начинаетъ дальнѣйшее прошеніе эктеніи, когда пѣвчіе еще не кончили, вслѣдствіе чего начало прошенія прощадаетъ для богомольцевъ.

Стѣны храма толщиною почти въ двѣ сажени, все-таки во время ледохода бываетъ столь сильное сотрясеніе, что колеблется паникалио. Одна изъ балокъ, стягивающихъ куполь и стѣны, сильно погнулась. Въ храмѣ ощущается сырость; на стѣнахъ видны пятна. Храмъ не блещетъ позолотой и украшеніями. Внутри все скромно. Можно отмѣтить только надъ царскими вратами рельефныя фигуры Воскресенія, выше Вознесенія Господня, да головки херувимовъ надъ сѣверными и южными дверями. Живопись отчасти распространяется на стѣны и заканчивается въ куполѣ изображеніемъ Иисуса Христа.

— Вотъ тоже постоянный ремонтъ,—сказалъ иконописецъ, указывая на куполь.

— Отъ сырости портится?

— Нѣть, а мухи набираются въ куполъ и залѣпляютъ лицъ.

Холодная церковь—во имя Преображенія Господня. Это самое древніе каменное зданіе въ монастырѣ. Церковный корпусъ построены, по словамъ Суворова, въ 1481 году, княземъ Андреемъ, сыномъ Василія Темнаго. Главный корпусъ храма выведенъ высокою двухъ-этажною четвероугольною башнею, въ 8 сажень высоты. Съ на-

ружныхъ сторонъ стѣнъ идугъ по 4 пилasters, оканчивающіяся вверху глухими арками, по 3 на каждомъ фасѣ. Пять высокихъ круглыхъ трибуновъ (средній изъ нихъ съ 8-ю узкими длинными окнами, прочіе глухіе) съ византійскими на нихъ главами вѣнчаютъ зданіе; главы и кресты обиты бѣлымъ желѣзомъ. Наружныя стѣны не имѣютъ украшеній, кромѣ высѣченныхъ въ глубь крестовъ въ карнизахъ. Не безъ сожалѣнія должно сказать, прибавляетъ знатокъ церковной археологии, покойный Суворовъ, что множество остававшихся отъ глубокой древности на наружныхъ стѣнахъ храма рельефныхъ украшеній, весьма вычурныхъ и красавыхъ, уничтожено настоятелями недавняго времени.

Живопись въ храмѣ (въ которомъ два придѣла, кромѣ главнаго престола: одинъ во имя Вологодскихъ Чудотворцевъ, другой во имя Собора Иоанна Предтечи) новая, не представляющая ничего замѣчательного.

Мы не достояли всенощной и отправились въ гостиницу; я хотѣлъ осмотрѣть нижній этажъ храма, но онъ оказался запертымъ.

— А я уже и самоваръ нагрѣль для васъ, — сказалъ о. гостьникъ, встрѣчая насъ въ сѣняхъ.

— Куда же идти?

— Да вотъ въ эту комнату и пожалуйте... въ большую-то.

— Какъ? Да вдѣсь же «образная»?

— Такъ что же? Развѣ въ квартирахъ нѣгъ образовъ?

— Конечно... Но все же какъ-то неловко пить и юсть... въ часовнѣ. А гдѣ же спать будемъ?

— И спать тутъ ж... на диванѣ я сдѣлаю постель... отлично выснитесь!

Подали самоваръ, прекрасный бѣлый хлѣбъ и кувшинъ густого молока.

Я былъ въ затрудненіи и никакъ не могъ помириться съ необходимостью спать въ «часовнѣ» или все равно въ «образной».

— Да вдѣсь и холодно будетъ, — сказалъ я: — видите, какъ ходить вѣтеръ...

— Пожалуй, и то правда, — согласился художникъ. — Какъ же быть?

Явившійся послушникъ разрѣшилъ наше недоумѣніе.

— О. настоятель просить васъ къ себѣ, — произнесъ онъ съ низкимъ поклономъ.

— Уже вернулся?

— Да, онъ усталъ и просить извинить, что не можетъ самъ поѣтить васъ.

— Поблагодарите отца игумена; мы сейчасъ придемъ къ нему.

На порогѣ большой комнаты, въ три окна, встрѣтилъ насъ сущевавый человѣкъ средняго роста, лѣтъ 50 слишкомъ, но еще прямой, бодрый, одѣтый въ подрясникъ темнаго цвѣта.

Это былъ игуменъ, о. Павелъ (Поповъ).

Блѣдное, худое лицо, рыжеватые волосы, небольшая сѣдѣющая борода, голубые, добрые глаза — вотъ дополнительныя черты его портрета.

— Милости прошу! Я усталъ съ поѣздки немнога,—произнесъ игуменъ пріятнымъ низкимъ баритономъ.

Мы приняли благословеніе и прошли въ комнату.

Коротенькое *ciciculum vitae* настоятеля.

Онъ—сынъ причетника Кичменской Благовѣщенской церкви, Никольского уѣзда; учился въ духовномъ училищѣ и молодымъ поступилъ въ Семигородную Пустынь, гдѣ и принялъ монашество, посвященный потомъ въ санъ іеромонаха. Переведенный отсюда въ Прилуцкій монастырь (въ 5-ти verstахъ отъ Вологды), онъ проходилъ различныя должности, два раза стоялъ во главѣ управленія монастыремъ и, возведенный въ игумены, въ 1885 году сдѣланъ настоятелемъ древнейшей обители на Кубенскомъ озерѣ. О. Павлу принадлежитъ инициатива въ дѣлѣ перенесенія мощей изъ Вологды и переименованія обители изъ пустыни въ Спасокаменный монастырь.

Квартира игумена состоять изъ трехъ комнатъ: пріемной или залы, гостиной, столовой, отъ которой отгороженъ маленький кабинетикъ, гдѣ и спитъ о. Павель. Самая большая комната пріемная. Она въ три окна, выходитъ на озеро, плескъ котораго ясно доносится въ комнату черезъ закрытые окна. Небольшая дверь ведеть на балконъ. Меблировка скромная: три неважныхъ диванчика, четыре жесткихъ кресла, нѣсколько вѣнскихъ стульевъ, три или четыре стола и два зеркальца. Въ переднемъ углу — масса образовъ въ киотѣ, и передъ ними аналой. На угольномъ столикѣ—священные книги. Стѣны увѣшаны портретами и фотографіями лицъ царской фамиліи, разныхъ знаменитыхъ іерарховъ и духовныхъ особы—знакомыхъ настоятеля.

— Позвольте чайкомъ угостить,—предложилъ о. Павель.

Мы благодарили и не отказались, такъ какъ въ гостиницѣ успѣли выпить только по одному стакану.

— А у васъ тамъ холодновато, о. Павель,—сказалъ я, когда онъ спросилъ о гостинице.

— Да, комната большая... еще не все устроено... А вы научите здѣсь... и теплѣе и удобнѣе...

Я отъ души былъ радъ этому любезному предложенію.

— Въ первый разъ вы здѣсь?—обратился ко мнѣ игуменъ.

— Въ первый.

— Какъ же понравилось? или еще не успѣли осмотрѣть?

— Кое-что осмотрѣлъ уже... видѣлъ камень громадный... Однако, и ледоходъ же былъ тогда!

— Да, изрядный... Этаکій камень на крышу нанесло... А впрочемъ что же: каждую зиму льдомъ настѣ окружаетъ... таکія ледяные

горы настроить озеро, словно въ крѣпости мы... Отъ всего Божьяго міра отрѣзаны.

— И надолго?

— Да когда какъ... недѣли на двѣ по крайности. Того и гляди, что и въ окна вломятся льдины... Тогда-то совсѣмъ въ ледникъ комнаты обратились... Окна всѣ перебили... Да какъ почнетъ ледъ ломать—такъ и ждешь бѣды!..

Послушникъ принесъ на подносѣ стаканы съ чаемъ, лотокъ съ бѣлымъ хлѣбомъ и вазочку съ вареньемъ.

— Прощу покорно!

Проходя къ столу, я невольно остановился у окна, въ которое виднѣлась узкая береговая полоска, отдѣляющая зданіе келій отъ воды. За полоской—озеро; оно теперь пѣнилось и гудѣло.

— Не раздражаетъ вамъ нервы этотъ гулъ? — спросилъ я у о. Павла.

— Мы привыкли... Да это что... Вотъ осеню... нѣпогодъ, постоянныя бури... дождь, ненастье... Холодно и непривѣтно...

— И скучно.

— Ну, мы скучи не знаемъ... Какая же скуча монаху?..

— Признаюсь, я не могъ бы долго выжить здѣсь осеню,—сказалъ я.

О. Павель добродушно улыбнулся.

— Да, нужна привычка и охота,—произнесъ онъ.

— И всегда путешествіе на лодкахъ... это тоже прискучитъ.

— Зимой єздимъ на лошадяхъ...

— Только зимой!

— Не только... Тутъ есть песчаная коса... Она идетъ отъ нашего острова къ Банному, поросшему ракитникомъ... онъ тянется до берега, въ видѣ луга съ осокою... какъ пересыхаетъ, въ мелководье можно по немъ до берега дойти...

— А вы не боитесь, что островъ вапъ когда нибудь совсѣмъ смоетъ вода?

— Ну, когда еще!..

— Вѣдь онъ уменьшается?

— По всей видимости... Прежде островъ былъ больше... Отъ напора льдовъ и весенней воды часть его стирается... Какъ горы, льдины-то идутъ... силища какая!.. Вы восмотрите, что за толщина стѣнъ у этого корпуса... а вѣдь сотрясаются отъ льда.....

— Это старинный корпусъ, о. Павель?

— Да верхъ-то не особенно старинный, съ французского на-шествія... Тутъ въ монастырѣ въ 1812 году московскіе монахи укрывались... Нѣсколько лѣтъ жили... года три, четыре никакъ... Они и надстроили верхъ-то... Раньше онъ былъ одноэтажный... Выстроили верхъ и подвели подъ одну крышу съ теплой церковью.....

— А кто же теперь живеть внизу?

— Подо мной—кельи, а въ самомъ низу трапеза, кухня и кладовыя... И вверху живутъ иѣкоторые.... А послушники внизу...

— Сколько всей братіи?

— Немного. Іеромонаховъ всего два. Теперь даже одинъ, потому что другой ушелъ за сборомъ. Дьяконъ мірской, на послушанье присланъ. Ну, одинъ монахъ мантейный, одинъ рясофорный... Свѣчи продаетъ онъ... А послушниковъ десять. Да они гости у насъ:

Настоятель Спасокаменного монастыря, игуменъ о. Павель.

хотять—живутъ, хотять—уходятъ... Держать не можемъ... Уговариваемъ... не послушается, власти держать не дано...

— А часто переходятъ?

— Часто. Народъ вездѣ избаловался... Не любить труда, строгости... чуть что—и прощай!.. Не лучшіе прислуги иончe... Хлопотъ съ ними масса... Умѣніе надо держать въ порядкѣ... Испивать любятъ другіе... На монастырь смотрять не какъ слѣдуетъ... Всакіе бываютъ... Одинъ вотъ такой безобразникъ вышелъ, да и началъ по деревнямъ за іеромонаха молебны служить, собирать на обитель.

— И что же?

— Схватили...

— И нареканіе на монастырь?

— А какъ же!.. Все больше отъ послушниковъ идетъ это... народъ неустойчивый... Конечно, и монахи всякие, но этому ужъ нѣть воли, да и все же онъ больше бережется... борется съ собою... а тамъ—все тринъ-трава!..

— Мне очень свѣчникъ вашъ понравился.

— Хорошій человѣкъ. Онъ изъ сапожниковъ. Имѣлъ свою мастерскую въ Петербургѣ, все передалъ женѣ-старухѣ и ушелъ спасаться... Этотъ по влечению... весь преданъ дѣлу... его для поощрения въ рясофорные посвятили. Если бы всѣ-то такъ держали себѣ—благодать!..

— А доходы у монастыря не велики?—полюбопытствовалъ я.

— Очень. Капиталы въ банкѣ не большие: графиня Орлова-Чесменская положила 5.000 рублей, вотъ и самый крупный вкладъ, а то пустяки... Велики ли проценты?

— А другіе доходы?

— Да какіе же? За земли немножко, рыбная ловля почти ничего не даетъ... ну, за мельницу—рублей сто... Вотъ и доходы... Всего тысяча съ небольшимъ.

— Гдѣ же мельница?

— Да въ Кадниковскомъ уѣздѣ... Раньше Куштскому монастырю принадлежала.

— Это одинъ изъ приписанныхъ монастырей?

— Да, ихъ два: Бѣлавинская пустынь и Александро-Куштский монастырь...

— А вѣдь у васъ, кажется, былъ здѣсь великий князь Алексѣй Александровичъ?—припомнилъ художникъ.

— Былъ... только это давно, въ 1870 году, когда їздилъ въ Архангельскъ.

— И долго ли?—спросилъ я.

— Всего около часу... Осмотрѣлъ, прослушалъ молебенъ, приложился къ ракѣ преподобнаго Іоасафа, пожертвовалъ сто рублей и отбылъ.

— Да вѣдь тогда здѣсь мощей не было?—замѣтилъ я.

— А рака-то стояла, въ память пребыванія мощей, и на ней икона Угодника...

О. Павелъ вышелъ изъ комнаты, а меня художникъ повелъ разсматривать портреты, висѣвшіе на стѣнахъ. Изъ портретовъ обращаютъ на себя вниманіе особенное слѣдующіе: Фотія Юрьевскаго, святителей Пимена и Антонія (мѣстныхъ святыхъ). Лица обоихъ послѣднихъ дышать чистотою, а взглядъ глазъ такой ясный, какой бываетъ только у настоящихъ праведниковъ и подвижниковъ. Надъ диваномъ олеографія—о. Іоанна Кронштадтскаго, и фотографіи не-

давно бывшаго архіеряя Антонія, нынѣ ростовскаго, и настоящаго вологодскаго епископа—Алексія.

Вернулся о. Павель, за которымъ послушники несли приборы для ужина. Мы стали отказываться.

— Нѣть, надо закусить, а то вы будете голодны,—настаивалъ хлѣбосольный хозяинъ.

На ужинъ была подана прежде всего соленая щука превосходнаго вкуса, затѣмъ уха изъ судака и жареный лещъ. Все приготовлено прекрасно.

— Это своя рыба?—спросилъ я.

— Да, своя, потому что куплена,—съ улыбкой отвѣтилъ игуменъ.

— Покупаете? Отчего же не ловите сами?

— Неудобно. Пробовалъ, только грѣхъ одинъ: то сгноять сѣти, то изорвать ихъ... Вольный народъ—послушники. Говорю, что съ ними ничего не подѣлаете, они, какъ въ древней Руси холопы, переходять изъ мѣста въ мѣсто... Тогда хоть надо было ждать Юрьева дня, да уговоры были, а тутъ нѣть ничего, полная свобода. Рабочихъ штрафуютъ хозяева, а здѣсь и штрафъ не мыслимъ. Въ женскихъ монастыряхъ куда легче: бѣлицы иначе относятся къ дѣлу... Женщины лучше!

Послѣ ужина мы еще поговорили немного и разошлись по комнатаамъ. О. Павель съ иконописцемъ удалились въ кабинетъ, а я остался въ приемной, гдѣ на диванѣ мнѣ сдѣлали постель.

Спать еще не хотѣлось, нервы были приподняты... Озеро волновалось, вѣтеръ крѣпчалъ... Я подошелъ къ окну и долго любовался на бѣлые гребни волнъ, вздымающихся на озерѣ. Я чувствовалъ себя какъ бы на большомъ пароходѣ, стоявшемъ на якорѣ. Ночь свѣжая. Вдали бѣлѣли церкви. Маленький пароходикъ буксировалъ двѣ барки. Онь, какъ говорится, «натужился», изъ всѣхъ силъ борясь съ волненiemъ и вѣтромъ, медленно подвигаясь впередъ. Мысли мои унеслись далеко, къ старинѣ, когда на островѣ жили первые подвижники... Это далекое прошлое, сквозь поэтическую призму священныхъ преданій, казалось заманчивымъ и влекло къ себѣ воображеніе и чувство. И бѣлая сѣверная ночь, когда одна заря сходится съ другою, и этотъ гулъ валовъ раскинувшагося озера, и рѣдкій бой часовъ на колокольнѣ, и обстановка комнаты (портреты іерарховъ, божница, аналой) и тишина, царившая въ обители,—все нѣвольно направляло мысль въ извѣстную сторону, вызывало въ памяти все прочитанное и слышанное о первыхъ христіанскихъ аборигенахъ глухого края и рисовало ихъ пустынную иноческую жизнь въ заманчивомъ свѣтѣ. Сердцу хотѣлось уединенія и сладости подвига... Но все осмысливающій умъ и тутъ постарался отравить мои мечтанія... «Ты хочешь подвига?... а развѣ?.. И заманчивыя картины иной жизни опять возстали передо мной. Откажешься ли отъ всего этого? Сможешь ли? И я съ болью чувствовалъ, что не смогу,

что бессиленъ отказаться и отъ удобствъ и наслажденій, которыхъ стали уже синонимомъ жизни для меня... Не только подвиги далекихъ пустынниковъ—не по силамъ, а и эта жизнь современныхъ иноковъ, которыхъ все такъ любятъ обвинять,—тяжела и невыносима мнѣ... Въ ней много отраднаго... душа понимаетъ это... но... понимать и жить—не одно и то же. Развѣ потомъ, впослѣдствіи, но не теперь! Я это сознавалъ, и величавые образы древнихъ подвижниковъ за вѣру Христову проходили предо мною, исполненные духовной красоты, и я мысленно съ благоговѣніемъ склонялся передъ ними.

Я вспомнилъ разсказы о Маркѣ и Александрѣ Куштскому—основателяхъ обителей, которые когда-то существовали самостоятельно, а теперь причислены къ Спасокаменному монастырю... Обитель послѣдняго видна съ острова... Да, это—совсѣмъ иные люди. Ихъ не влекла шумная жизнь, ихъ душа жаждала типи чащи лѣсной, безмолвія дебри... Маркъ жилъ въ Вологдѣ, въ Ильинскомъ монастырѣ (нынѣ упраздненномъ). Но инока манила пустыня. И вотъ онъ умоляетъ епископа Варлаама: «есть, государь, въ Вологодскомъ уѣздѣ въ Заднемъ селѣ Бѣлавинское озеро, и на томъ озерѣ островъ. Умилосердися, государь, пожалуй меня, нищево царского богомольца и своею святительсково, и благослови на томъ острову кѣлейцу поставить и потерпѣти Бога ради. Государь, смилийся, пожалуй!»

Какою трогательностью запечатлены эти безыскусныя строки инока, вылившіяся прямо изъ его сердца, преисполненнаго жажды подвига ради Бога! Маркъ умоляетъ, какъ милости просить—чего? Денегъ, награды, повышенія? Ничуть! Онъ проситъ разрѣшить уйти въ пустыню, на нужду, голодъ, на мученія... Сравните съ нашими днями и ихъ злобами. Всякій стремится въ центръ, на видное мѣсто, въ богатое село... А тутъ? «Смилийся, пожалуй, благослови потерпѣти!» Слезы подступаютъ къ глазамъ, читая такія прошенія, и начинаешь понимать, почему была крѣпка земля наша тогда, когда еще тьма обнимала ее всю... Она была крѣпка такими свѣтынями и подвижниками, какихъ мы теперь и понимать разучились, да чего доброго и почитать разучимся скоро.

И пошелъ на озеро Бѣлавинское Маркъ и основалъ обитель въ 1630 году.

Она существуетъ и нынѣ. Въ ней двѣ церкви—деревянная, старинная, съ шатровымъ верхомъ, и каменная новая, построенная въ 1830 году, когда выстроены и двухъ-этажный каменный корпусъ, въ которомъ братскія келіи и покой на случай прїѣзда игумена.

Другой подвижникъ—Александръ Куштскій, постриженникъ Спасокаменного монастыря. Ища полнаго уединенія, этотъ достойный современникъ Діонисія Глушицкаго ушелъ въ пустыню на рѣку Сянжему и тамъ въ болотистыхъ мѣстахъ срубилъ себѣ келью. Проживъ здѣсь нѣкоторое время, онъ переселился на рѣку Кушту, близъ Кубенскаго озера, помѣнялся кельями съ пустынникомъ Евое-

міемъ, ушедшімъ на Сяжму, и продолжать свои подвиги. Заозерскіе князья полюбили его и помогли ему создать церковь. Такъ основался монастырь, расширившійся уже послѣ кончины угодника, послѣдовавшей въ 1439 году.

Въ монастырѣ сохранилось многое отъ древней старины. Такъ въ деревянной церкви, построенной въ XV вѣкѣ, во имя Успенія Богоматери, въ иконостасѣ имѣется нѣсколько иконъ древніаго письма. Каменная церковь, какъ и въ Бѣлавинской пустыни, выстроена недавно. Въ верхнемъ этажѣ ея покоятся мощи преподобнаго Александра Куштскаго въ посеребренной гробницѣ, подъ балдахиномъ. Братіи немногі. Сюда переводится къ веснѣ весь скотъ съ Каменнааго острова, и отсюда на лодкахъ привозятъ молоко въ монастырь.

Часы на колокольнѣ пробили уже два раза. Было свѣтло, какъ днемъ, и я свободно читалъ книгу у окна. Но нужно было ложиться спать, чтобы не опоздать къ обѣднѣ. Я помолился и легъ на приготовленную постель. Прислушиваясь къ мѣрному гулу волнъ я уснулъ, какъ бы убаюканный чьей-то пѣсней.

XII.

Утро.—Изъ окна на озеро.—Ложное извѣстіе о пріѣздѣ о. Иоанна Сергиева.—Прибытие парохода съ баржей.—За обѣднѣ.—О. Павелъ на службѣ.—Молебенъ у гробницы св. Иосафа.—Теплая церковь.—У гробницы св. Василія Юродиваго.—Фактъ, достойный замѣчанія.—Опять въ покояхъ игумена.—Приходъ «Кубинъ».—Возвращеніе домой.—Крылатое слово простого человѣка.

Я проснулся около девяти часовъ. Въ комнатѣ сдѣлалось довольно свѣжо. Въ окна дуло съ озера. Утро было ясное, но холодное. На озерѣ ходили громадные валы. Волны набѣгали на островъ и съ шумомъ разбивались объ его каменистый берегъ... Глазамъ открывался широкій горизонтъ, и взоръ приковывался къ нему. Утромъ, при солнцѣ, получалось другое впечатлѣніе, охватывали мысли о борьбѣ съ этой грозной стихіей...

Что-то чернѣло на озерѣ, подвигаясь, повидимому, къ острову.

Я быстро умылся и одѣлся и вышелъ въ соседнюю комнату.

Художникъ и игуменъ уже давно встали.

— Что это тамъ движется? пароходъ? — сиротиль я.

— Да, это какой-то пароходъ, везетъ богомольцевъ, должно быть, сюда.

— А не «Кубина»?

— Нѣть, ей еще рано,—отвѣтилъ художникъ.

О. Павелъ ушелъ куда-то. Онъ вскорѣ вернулся и сейчасъ же раздался благовѣсть къ обѣднѣ.

— Знаете,—сказалъ игуменъ:—говорить, о. Иоаннъ Кронштадтскій будетъ сегодня сюда.

— Можетъ ли быть?—воскликнулъ я.—Кто вамъ сказалъ это?

— Пріѣхалъ тутъ купецъ одинъ... Пороходъ его видѣли...

Я усомнился, но извѣстіе меня обрадовало; я очень желалъ, чтобы оно оказалось правдой. Мне хотѣлось повидать почтенного пастыря, съ которымъ я не встрѣчался около 11 лѣтъ, и которому я былъ обязанъ своимъ выздоровленіемъ. Я неточно выразился: молитвамъ его. Да, врачи рѣшили, что я не встану, а если и буду ходить, то на костыляхъ. Но онъ сказалъ: никто какъ Богъ, вѣрте только,—и я стала ходить черезъ нѣсколько дней послѣ посѣщенія имъ моей квартиры.... Какъ хорошо бы встрѣтить его и именно здѣсь, въ этой обители...

Когда мы, выпивъ по стакану чая, отправились съ художникомъ на берегъ,—пароходъ уже былъ недалеко. Ему приходилось сильно бороться съ волнами. Онъ едва шелъ. Когда онъ еще приближался, мы увидѣли, что палуба и баржа переполнены публикой.

Не сразу удалось пароходу подойти къ пристани. Уже думали, что придется выслать лодку. Но онъ все-таки присталъ. Оказалось, что пріѣхавшіе—все съ завода Бѣляева: тутъ и администрація и рабочіе обоего пола.

— Что, еще нѣтъ?

— Не пріѣхалъ еще?

И вопрошившіе ждали отвѣта съ нетерпѣніемъ.

— Кто?

— Да онъ!

Мы поняли, про кого спрашивали.

— Отець Иоаннъ? нѣтъ еще! А развѣ вы ждете его?

— Какъ же!

— Нарочно для него пріѣхали!

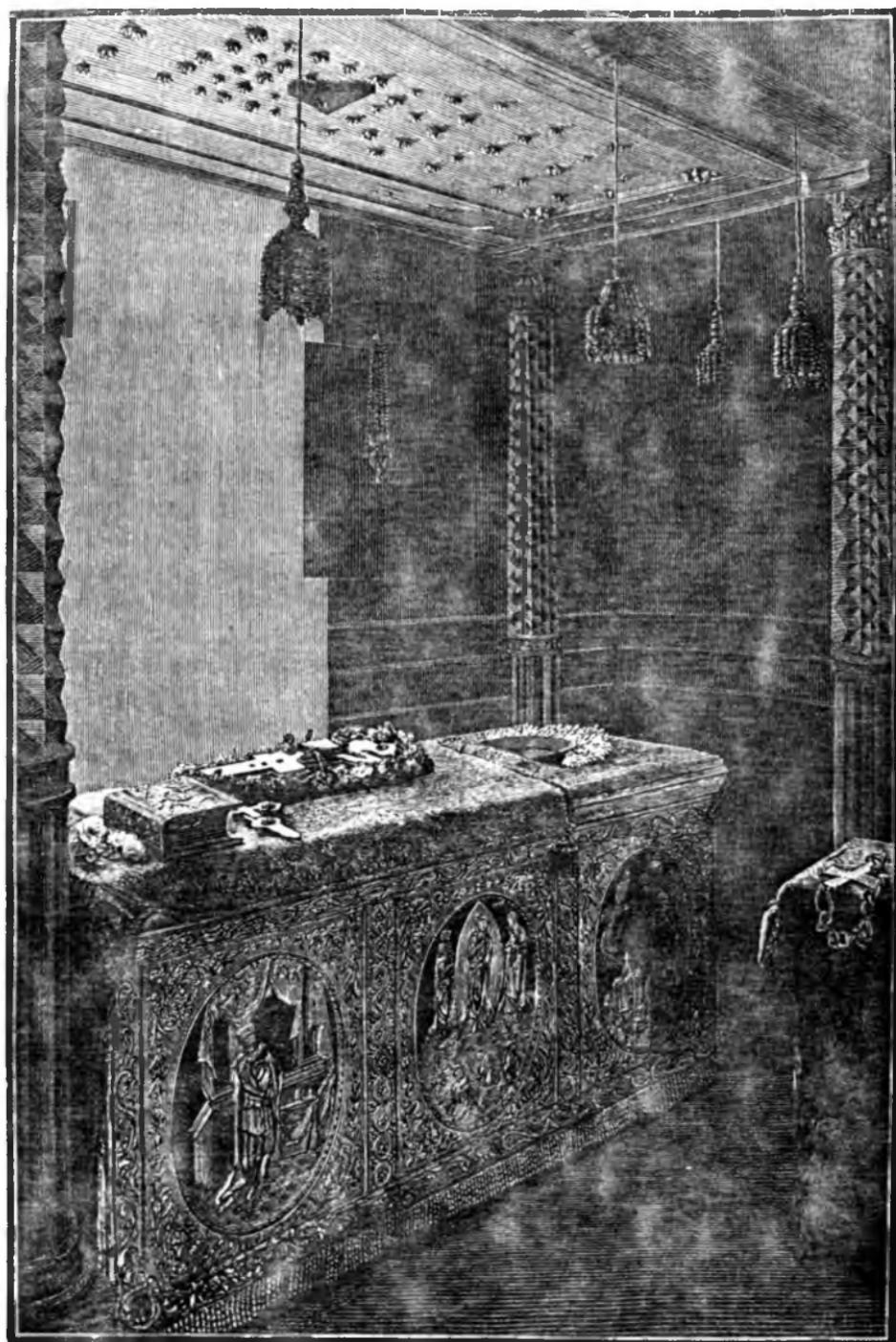
— Тамъ еще ёдуть... Въ деревняхъ народъ всполошился... Вѣдь гдѣ же его не знаютъ!.. Готовы бросить работу и ёхать!..

Холодная церковь мигомъ наполнилась народомъ. Сдѣлалось не только жарко, а даже душно. Я едва пробрался въ алтарь. Около свѣтчного ящика происходила такая давка, что я оставилъ всякую попытку—купить свѣчу и пріобрѣсть просфору. Протягивались десятки рукъ съ мѣдными и серебряными монетами и съ бумажками—записками... Просфоръ скоро не хватило. Некуда стало ставить и свѣчей.

Кончились часы, и началась обѣдня.

Служилъ тотъ же іеромонахъ, и служилъ съ чувствомъ, съ приемами простеца и съ его же сердечностью и вѣрою. Пѣли положительно недурно. Послѣ обѣдни начался молебень, и его отправили уже самъ настоятель. Его служба—строгая, истовая. Онъ читаетъ и дѣлаетъ возгласы выразительно; такъ служить нельзя, не участвуя душою.

Сейчасъ же послѣ молебна всѣ направились въ теплую церковь, гдѣ игуменъ отслужилъ молебень у раки угодника Іоасафа.

Рака и на ней крестъ съ мощами св. Іосафа въ Спасокаменномъ монастырѣ.

Рака святого серебряная, подъ балдахиномъ. Сбоку на стѣнѣ виситъ изображеніе Василія Юродиваго, стоящаго на камнѣ.

Церковь имѣть видъ широкой, но короткой комнаты, съ низкимъ потолкомъ. Изъ иконъ замѣчательна икона Божіей Матери «Утоли моя печали» въ ризѣ, осыпанной жемчугомъ. Она небольшого размѣра.

Возлѣ свѣтлого ящика, на столѣ—вериги угодника.

Все время, пока служили молебенъ, раздавался звонъ цѣпей: это богомольцы по очереди надѣвали на себя вериги и обручъ съ крестообразной перетяжкой.

Въ теплой церкви два придѣла: въ честь Богоматери и во имя Николая Чудотворца. Въ первомъ придѣлѣ обращаетъ вниманіе образъ Успенія Богородицы. Среди апостоловъ стоитъ и Христосъ, какъ бы ожидающій исхода души Своей Матери.

На царскихъ вратахъ лѣваго придѣла изображено сопственіе Св. Духа на апостоловъ. Я въ первый разъ встрѣчу такое изображеніе на царскихъ вратахъ. Обыкновенно изображается Благовѣщеніе, лики евангелистовъ.

Иконостасъ въ теплой церкви не блещеть богатой позолотой; онъ устроенъ, по словамъ художника, тѣми же московскими монахами, которые жили въ обители во время нашествія французовъ.

На боковыхъ стѣнахъ двѣ картины водяными красками: Христосъ на судѣ Пилата и Бичеваніе Христа...

— Богатства не видно,—замѣтилъ я художнику.

— Да.. Вотъ видите хоругви-то.

Онѣ—изъ краснаго сукна, съ кожаными нальпленными украшеніями, тиснеными золотомъ.

Изъ теплой церкви можно пройти прямо въ покой игумена. Я думалъ, что молебномъ св. Іосафу все кончено. Но народъ и о. Павель направились еще куда-то. Я потерялъ художника изъ виду и обратился съ вопросомъ къ свѣтчику.

— А всѣ въ нижній храмъ пошли, батюшка,—отвѣтилъ монахъ... Внизу-то, въ холодной церкви... тамъ Василій Юродивый почиваетъ... Пожалуйте, я проведу васъ.

И онъ провелъ меня черезъ алтарь подъ арку на лѣстницу.

Нижняя перковъ начинается широкимъ притворомъ, который переходитъ въ узкую длинную комнату съ совершенно толыми стѣнами и бѣднымъ иконостасомъ.

Здѣсь престолъ во имя трехъ московскихъ святителей — Петра, Алексія и Ионы, устроенный въ 1850 году. Въ западной части храма покоятся моши Василія Юродиваго, подвизавшагося въ Спасокаменской обители. Московскимъ купцомъ, Колесовымъ, по происхожденію вологжаниномъ, устроена мѣдная, посеребренная и мѣстами позолоченная рака, искуснаго рисунка. Неизвѣстно, когда жилъ святой въ монастырѣ. Митрополитъ Евгений въ своемъ спискѣ вологод-

скихъ угодниковъ только упоминаетъ о Василіи Юродивомъ, не обозначая времени его пребыванія въ обители, а также и года кончины. Но вотъ замѣчательный фактъ, о которомъ говорить вологодскій историкъ-археологъ Н. И. Суворовъ: въ пожарѣ 1774 года, когда погорѣло внутри монастыря все, что могло сгорѣть, бывшая деревянная рака и образъ на ней угодника (Василія Юродиваго) остались неприкосновенными, хотя вся гробовая его палатка была наполнена дымомъ и пламенемъ.

Н. И. Суворовъ говоритъ въ своемъ очеркѣ, что въ южномъ отдѣленіи нижняго этажа находится гробница бывшаго настоятеля Кассіана, при которомъ постригся князь Іоасафъ. Я долженъ признаться, что не видѣлъ этой гробницы. Послѣ молебна у раки св. Василія Юродиваго я вышелъ изъ церкви за народомъ, а послѣ мнѣ никто не сказалъ о гробницѣ Кассіана.

На крыльцѣ сидѣла какая-то женщина, выражавшая знакомому старику въ крестьянской рубахѣ свое горе по поводу смерти дочери.

— И мѣста, мѣста не могу найти я съ того дня... вотъ такъ и сосетъ сердечушко, словно кто сидитъ тамъ и сосетъ... Плачу, плачу, и все не легче.

— А ты угодникамъ молилася?—спросилъ старикъ.

— Молиласъ, какъ не молиться... для чего и пріѣхала.

— Ну, вотъ!.. Они за нась ходатаи... полегчаетъ!

— Ужъ на нихъ одна надежда... а то хоть сама умیرай... жизнь не мила... Правда ли что онъ-то, батюшка, будетъ сюды?

— Слыхать... мы для этого пріѣхали...

Очевидно, рѣчь шла объ отцѣ Іоаннѣ.

— Ахъ, если бы!—промолвила баба, вздыхая.—Пала бы ему въ ножки... пусть помолится... Его молитва—не наши грѣшныя... Да и слова у него такія есть...

— Какія слова?—спросилъ мужикъ.

— А такія, стало... облегченье тебѣ будетъ... Отъ нась женщина ходила къ нему...

— Ну - ну?

— Сколько лѣтъ маялась... какъ подкатится подъ сердце — и сосетъ... хошь ты руки на себя налагай,—такая тоска смертельная... А какъ къ нему сходила, да онъ помолился и благословилъ ее — и пропало все... Отъ Бога, стало... отъ молитвы святой.

— Извѣстно, отъ Бога все да отъ молитвы... Наша-то молитва чтѣ... нечистые люди, и молитва наша такая же... а тутъ его... стало, и доходитивая...

— О, Господи!—замѣтила баба, вздохнувъ опять.

Подошелъ художникъ.

— Идемъ чай пить, да закусимъ... скоро вѣдь и «Кубина» будетъ, — сказалъ онъ.

Мы отправились опять въ покой настоятеля.

Приемная комната была полна народа. О. Павель, какъ радушный хозяинъ, угощалъ всѣхъ чаемъ и просилъ закусить «чѣмъ Богъ послалъ».

— А вотъ и «Кубина» идетъ! — сказалъ кто-то изъ сидѣвшихъ въ гостиной.

Заводскіе гости держались по провинціальному: женщины немного жеманились, мужчины стѣснялись, тѣ и другіе говорили мало, ограничиваясь короткими отвѣтами...

«Кубина» приближалась къ острову. Намъ нужно было торопиться.

— А гдѣ же отецъ Павель?

— Онъ уже ушелъ на берегъ, — отвѣтилъ художникъ.

Когда пришли и мы на пристань, пароходъ уже присталъ. На немъ было много пассажировъ. Оказалось, что все это прѣѣхали въ монастырь, чтобы увидѣть о. Иоанна. Ихъ всѣхъ ждало разочарованіе.

— Его здѣсь нѣть!..

— Еще, можетъ быть, будеть! — сказалъ кто-то въ утѣшеніе.

— Подождемъ...

Поколебался и я: не остаться ли? А если неправда? Ждать надо до пятницы — долго, дѣла не позволяли жить столько дней въ монастырѣ.

Надо было проститься съ о. Павломъ.

— Гдѣ же онъ?

А онъ ужъ радушно встрѣчалъ новыхъ посѣтителей, улыбаясь имъ своей доброй улыбкой...

Раздался свистокъ...

— Идите, идите скорѣй, а то останетесь! — крикнулъ мнѣ адвокатъ съ палубы.

Я все-таки успѣлъ проститься съ игуменомъ, поблагодарить его за радушный прѣемъ.

— Мало пожили! Пріѣзжайте еще!..

— Убирай сходни!..

Я бѣгомъ кинулся къ пароходу и только что вошелъ на палубу, какъ заработала машина, и колеса забурлили воду... Пароходъ сталъ отчаливать. Головы всѣхъ пассажировъ, бывшихъ на немъ, обнаружились. Крестясь, мы прощались съ обителю.

Вѣтеръ все усиливался, волны высоко вздымались и пѣнились. Пароходъ, пока онъ при поворотѣ шелъ поперекъ волнъ, такъ за качало, что некоторые изъ пассажировъ попадали на своихъ мѣстахъ. Но затѣмъ качка уменьшилась, и пароходъ пошелъ впередъ, уже слегка подбрасываемый разгневанными волнами.

Едва мы отошли отъ острова, какъ вдали на встрѣчу намъ показался пароходикъ...

— Это о. Иоаннъ ёдетъ! — выразилъ кто-то свою догадку.

Пассажиры заволновались, высыпали на палубу и стали пристально всматриваться. Пароходикъ приближался — и наше душевное напряженіе росло. Но скоро ошибка была понята. Обозначился пароходъ, а за нимъ баржа.

Это шель буксирный пароходъ «Вологда».

Путь обратно уже не представлялъ прелести новизны... По слухаю праздника на пристаняхъ и на берегахъ, гдѣ были деревни, — гуляли пестро разодѣтые крестьянки...

Подошелъ ко мнѣ адвокатъ.

— Ну, что, помолились? — спросилъ онъ... — Довольны остались о. Павломъ?

— Да, онъ понравился... Простой, радушный человѣкъ.

— А монастырь? Не богатъ онъ, надо сказать.

— Да, очень. Нуждъ у него много.

— А средствъ мало... Древняя обитель, а нужду терпить... Есть, вѣдь, у толстосумовъ деньги... а жильницаются...

Вблизи насть стоять старичекъ, котораго я не видалъ въ первую дорогу.

— Это ничего-сь, что бѣденъ, — сказалъ онъ: — богатство монастырей не въ деньгахъ, а въ свѣтѣ!. И много денегъ, да коли не стало свѣта, и ничего-сь не стало... Знаете, поется св. Владимиру Равноапостольному: обрѣлъ еси безцѣнныи бисеръ... Вотъ этого бисера и надо обители, а не того, что копится въ кладовыхъ...

— Аминь! — хотѣлось мнѣ сказать въ отвѣтъ, по я удержался изъ опасенія, что мои слова простой человѣкъ приметъ за кощунственную профанацио.

Александръ Кругловъ.

1897, іюнь.

